

Виктория
Богачева

Отрада для кузнеца

18+

Виктория Богачева

Отрада для кузнеца

«Автор»

2026

Богачева В.

Отрада для кузнеца / В. Богачева — «Автор», 2026

Кузнец Храбр движим мстью: он хочет наказать убийц своего отца. Отрада остается совсем одна и вынуждена сама о себе заботиться. Ненавистный дядька хочет силой выдать ее замуж и прибрать к рукам избу, построенную ее отцом. Ни Храбр, ни Отрада не догадываются о тайне, связавшей их судьбы покрепче любых нитей. А жизнь, меж тем, готовит для них еще немало испытаний, и сумеют ли они обрести то, что дороже всякого сокровища?...А началось все так: однажды очень давно один человек забрал то, что ему не принадлежало.

© Богачева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Отрада для кузнеца

Пролог

Вместе с отцом они латали треснувшую ось телеги во дворе за избой, когда возле забора раздался глухой стон. Подпрыгнув от неожиданности, мальчишка выронил на землю рубанок, а его отец, выпрямившись, отер ладони о портки и нахмурился. Жили они на отшибе поселения, как и полагалось жить кузнецу и его семье, на опушке густого, темного леса, и до ближайшей соседской избы ходу было порядочно.

— Тут постой, — обернувшись к сыну, велел мужчина, поднял с земли тяжеленный топор и пошел обходить избу.

Вестимо, мальчишка его не послушался и побежал следом.

От реки сквозь лес поднимался густой, влажный туман. Он расползлся вдоль земли, поверх травы и холодил босые ноги. В надвигавшихся вечерних сумерках каждый шорох и скрип звучал гораздо страшнее, чем при свете дня.

Мальчишка сглотнул и, таясь, выглянул из-за угла избы. Но тут же бросился вперед, потому что увидел, как за невысоким забором на руки отцу осел мужчина с багряным пятном на разорванной рубахе.

— Велел же тебе там остаться, — недовольно цыкнул отец, завидев неутомонного помощника.

Незванный гость слабо застонал, силясь что-то сказать, и, вздохнув, хозяин избы напрягся и подхватил того на руки. Мальчишка увидел, что в руках мужчина из последних сил стискивал увесистую, плотно набитую, ладно скроенную мошну. Он выронил ее из-за толчка, когда поднялись они на крыльцо, и в мешочке что-то глухо зазвенело. Но прежде, чем мальчишка успел ее поднять да поглядеть, что внутри, его окликнули.

— Дверь поддержи, — бросил ему отец, боком проходя в сени. — Воду ставь греться да тряпки тащи, — велел он, положив мужчину на ближайшую скамью.

Запыхавшийся мальчишка носился по избе, собирая чистые тряпицы, которые выстирал нынче утром и развесил сушиться, да таская воду в чан, поставленный им греться.

— Храбр, пошевеливайся! — стегнул отец, и мальчишка едва не подпрыгнул.

Хозяин избы тем временем разорвал рубаху на груди незваного гостя, подбираясь к ране на боку, оставленной чьим-то злым, острым ножом, и стащил с него добротные сапоги из тонкой кожи. Сын подсунул тому тряпиц, притащил воды, и мужчина принялся промывать рваные края пореза, смывать с кожи засохшую грязь и кровь.

Незнакомец очнулся и застонал, когда хозяин избы подступился и потревожил его рану.

— Я... я... — забормотал он в неверном, горячечной бреду. — Мошна... отблагодарю... серебром...

— Тихо ты, — недовольно прикрикнул на него тот. — Еще помрешь.

Он крепко перевязал незваному гостю бок, влил в рот добрую чарку травяного отвара, облачил в свою чистую рубаху и укрыл тяжелым тулупом. И лишь тогда перевел дух, утерев выступившую на лбу испарину.

— Поищи горшочек, что Верея седмицу назад принесла, — сказал он сыну, который в то время ползал по полу, собирая тряпкой воду и кровь и убирая учиненный в спешке беспорядок.

— О какой мошне он толковал? — спросил, когда Храбр притащил с полки пузатый, небольшой горшочек с чем-то пахучим внутри.

— Он на крыльце ее обронил. Я разом, — стремительно мальчишка сбегал в сени и вернулся с тяжеленной мошной, которую ему пришлось прижать к груди двумя руками, чтобы дотащить до лавки.

Когда развязали шнуры и заглянули внутрь, то оказалось, что мошна была доверху набита серебром да диковинными, разноцветными камушками — Храбр таких отродясь не видал. Они блестели и переливались даже в тусклом свете лучины, и словно манили, притягивали взор так, что не оторвать было. Мальчишке поместилось даже, что диковинные камушки с ним говорили, нашептывали в уши страшные слова на чужом языке.

Вздвогнув, отец Храбра поспешно затянул шнурок тугим узлом да упрятал мошну в сундук, укрыв поверх белеными холстинами.

— Никому об том не болтай. Никому! — строго велел Храбру и окинул лежавшего на лавке мужчину каким-то новым, странным взглядом. — И кого только Сварог на наш порог подбросил... добро, мать твою с Устей к бабке в гости ушли...

Остаток вечера прошел в суете да заботах: Храбр убрал с пола все обрезки и тряпье, что служили их незваному гостю одежей, а его отец вышел за забор поглядеть на тропу. Может, поймут, с какой стороны к ним в избу занесло незнакомца.

Потому-то громкий стук в дверь застал мальчишку в горнице одного.

— Славута! — окликнули его отца из сеней. — Это Избор, у меня разговор к тебе.

Храбр бросил встревоженный взгляд на незваного гостя, что в беспамятстве валялся на лавке, и распахнул дверь. В горницу вошел молодой, приземистый мужчина с медными волосами, что кудрявились жестким завитком.

— А батька твой где? — спросил Избор и оборвал свой следующий вопрос, увидав незнакомца на лавке. — А это кто тут у вас? Что за гость?

— Избор? Чего хотел? — с крыльца раздался голос отца, и Храбр с облегчением выдохнул, и бочком-бочком скользнул вдоль стены к лавке.

— Тебя искал, Славута! Хотел о зерне в овинах потолковать, — Избор круто повернулся и поглядел на хозяина избы. — Да вижу нынче, что не в добрый час пришел. Что за мужик-то? — и он задержал оценивающий взгляд на чужих сапогах, что валялись подле лавки. — Обувка-то у него непростая.

— Сам не ведаю, — Славута пожал широкими плечами и отвел от лица темно-русые волосы, выбившиеся из-под ремешка на лбу. — Ты уж не взыщи, завтра с тобой потолкуем. Нынче не до того мне, — и он указал натруженной, мозолистой ладонью за свою спину.

— Не из простых он, по всему видать, — сказал Избор и замялся на пороге.

Лицо его исказилось, и он разом напрягся, вытянул вперед шею, словно во что-то всматривался. Али вслушивался.

— У вас что, изба полна гостей? — пробормотал он изменившимся голосом. — Не пойму, кто шепчет. Да еще неразборчиво так.

Отец с сыном переглянулись, и Славута спокойно пожал плечами.

— Чудные вещи тебе на ночь глядя мерещатся. Ступай-ка ты домой с миром, — сказал он жестким голосом.

Вздвогнув, Избор перевел на него мутный, оторопевший взгляд и, помедлив, кивнул. Неловко поправил кожух и сошел с крыльца. У ворот он обернулся и еще долго стоял на одном месте, переступая с ноги на ногу, и все смотрел да смотрел на избу.

Славута не уходил с порога, и Храбр жался к нему, сам не ведая, чего страшится.

Наконец, Избор шагнул со двора, и мальчишка был готов поклясться Сварогом, что услышал облегченный вздох отца.

— Про мошну — молчи. Даже матери не сказывай, — еще раз велел сыну Славута, когда они остались вдвоем.

Тот поднял на отца задумчивый взгляд. Прикусив губу, помедлил, но все же решил сказать.

— Камушки эти чудные... я тоже шепот их слышал.

К изумлению мальчишки, Славута опустился перед ним на одно колено и, накрыв плечи натруженными ладонями, хорошенько встряхнул. Казался он не в меру перепуганным, и Храбр еще шибче подивился. Отец не боялся с рогатиной на зверя дикого по зиме ходить! А мошны простой испужался, выходит?

— Ты об этом толковать брось, сын, — сказал голосом, не похожим на свой привычный. — И про камушки думать не смей. Они рассудка лишают.

— Отчего так? — шепотом выдохнул Храбр и облизал пересохшие губы.

— Потому что любит великая богиня Мара подсмеиваться над слабыми людьми, — совсем что-то непонятное ответил отец и сжал ладони на плечах сына. — Уразумел, что я сказал?

— Да-да, — поспешно кивнул Храбр, напуганный уже не диковинной мошной, а страхом, который он увидел в глазах отца.

Но обещание свое он сдержал. В сундук поглядеть на камушки ни разу не залез да никому про них не рассказал.

На следующее утро их незванный гость очнулся. Разлепил иссушенные лихоманкой губы и попросил у Храбра пить, а после — поговорить с хозяином избы.

— Меня Бусом величают, — кое-как просипел он, приподнявшись над скамьей на локтях, когда Славута подошел к нему, утирая лицо от воды рушником. — Я...я... не лиходей, ты уж не мысли, добрый человек.

Глава 1

По лесной тропинке со всех ног неся к кузне мальчишка. Валенки увязали в мокром, подтаявшем снегу, и после каждого шага во все стороны рассыпались грязные брызги. Он шумно пыхтел, и дыхание у него давно сбилось – поди попробуй вверх по холму бежать, да еще и через лес, да по узенькой тропинке.

Мальчишка неверными пальцами дернул завязки тулупа и поспешно развел в две стороны тяжеленный подол. Шапка да рукавицы давно остались где-то позади, как и увесистый горшок, завернутый в несколько рушников, что валялся нынче у подножия холма. Он нес кузнецу обед...

Выбежав, наконец, на поляну, где стояла кузня, мальчишка слегка перевел дух, а после рванул к двери. Он дернул ее на себя, и тяжелое дерево поддалось не с первого раза. Мальчишка мало что мог разглядеть в дыму и чаде, но зато слышал мерный, звонкий стук опускавшегося молота, возмущенное шипение воды, когда в нее погружали охлаждаться раскаленную подкову, да скрип половиц под ногами кузнеца.

— Храбр! – звонко позвал он и отступил назад, спасаясь от едкого, черного дыма. – Брат, там Отрада под лед на реке провалилась! – выпалил мальчишка на выдохе и все же согнулся пополам, откашливаясь и жадно хватая ртом воздух.

Умаялся он, пока бежал – жуть.

— Руза вскрылась? – из глубины кузни донесся удивленный голос. – Обожди!

Мальчишка кивнул, хотя старший брат не мог его увидеть. Он оперся ладонью о деревянный сруб кузни и еще раз вздохнул, смахнув со лба испарину. Упарился он в тулупе бежать, рубаха, небось, насквозь промокла. А в ручье-то нынче не на полощешься...

Толком передохнуть он не успел: из кузни шагнул брат – в запачканной гарью и копотью рубахе, поверх которой натянул в спешке одну лишь безрукавку. Его светлые, взмокшие от работы волосы удерживал тонкий кожаный шнурок, повязанный поперек лба.

— Следом иди! – коротко велел ему кузнец и по все той же тропинке помчался к реке.

Он сбежал с холма, увязая в снегу по колено, и выбежал прямо к реке, на берегу которой испуганно жались друг к другу несколько девчонок и мальчишек. Видно, их громкие вопли были услышаны: с другой стороны холма, где стояли избы, к берегу также бежали люди, уразумев, что вышла беда.

Он не сразу приметил Отраду: девчонка лежала нынче на маленькой льдине, ровнехонько посередине реки. Кузнец нашел глазами далекий белый островок с едва видной черной фигуркой, маленькой, распластавшейся по поверхности.

Ребятня на берегу разом загомонила, объясняя, выкрикивая что-то, но он повел плечом и сердито рыкнул на них. Стащил с себя шерстяную безрукавку – подарок Услады, остался в льняной вытканной рубахе, и без раздумий бросился в воду, слыша, что позади шумят соседи, кричат что-то женщины.

Холодная вода обожгла поначалу, вонзаясь в кожу иголками. Он выплыл, отплевался и едва увернулся от льдины, идущей почти на него.

На берегу запричитали женщины.

— Брат, сзади! – отчаянный крик мальчишки разнесся над рекой, и он успел нырнуть, как его настигла огромная льдина, едва не срубив головы.

— Храбр, поберегись!

Он вынырнул, судорожно хватая ртом воздух, чувствуя, как разрывается грудь, и широкими гребками поплыл к льдине с перепуганной Отрадой. Он то и делал, что уворачивался, нырял, едва успевал отплыть, когда со всех сторон его настигали огромные, тяжелые льдины, способные размозжить голову и раздробить кости.

Храбр плыл, и пару раз был на волосок от смерти: льдина задела его острым краем, порезала руку, и вода на миг окрасилась в розовый цвет. Другая стесала кожу на щеке, а один раз он едва не задохнулся, пережидая, пока лед над ним разойдется.

Когда он подплыл к льдине с Отрадой, он чувствовал себя измученным и измотанным до предела. Он долго пытался отдышаться, сплевывая воду, попавшую в легкие, и появившуюся во рту кровь.

Храбр открыл серые глаза и встретился со взглядом невероятно ярких зеленых глазниц. Отрада смотрела на него безотрывно, и он не мог сказать, что было у той на душе.

— Ну, девка, — прохрипел он. — Живыми выплывем — сам тебе ремня дам.

Он нечеловеческим усилием подтянулся и залез на льдину. Испуганная, взлохмаченная, мокрющая девчонка прильнула к нему, цепляясь за прилипшую к телу рубаху, глотая слезы и давясь рыданиями.

— Ну будет, будет, не реви, раньше думать надо было, — он провел рукой по тяжелой, намокшей косе, отливающей багряным золотом, и огляделся.

Вокруг них расползлся лед Рузы, могучие льдины сталкивались друг с другом, с треском ломаясь на мелкие осколки.

«С ней вдвоем не проплывем, особенно теперь».

— Будем прыгать, — решительно произнес он.

— Что? — синеющими от холода губами прошептала Отрада.

Видно, тоже нахлебалась ледяной воды.

— Прыгать будем, — отрезал Храбр. — С льдины на льдину. Спешить надобно, пока лед еще не шибко тронулся.

И под взглядом оторопевшей Отрады он отошел на самый край, разбежался и с громким уханьем оказался на соседней льдине.

— Прыгай, не медли! — разозленным голосом стегнул он, и Отрада, зажмурившись и шепча про себя молитвы всем Богам, прыгнула вслед за ним. Она запнулась и упала в его руки, и он поймал ее, на мгновение прижимая к груди.

Холодный ветер морозил кожу, обжигал ее своими поцелуями, стегал резкими порывами.

— Тулуп снимай, — мрачно приказал Храбр, смотря на расстояние до следующей льдины.

Отрада подчинилась молча и беспрекословно, оставшись в поневе, длинной свите и расписном платке.

— Свиту и платок тоже здесь оставишь.

Она вскинула на него взгляд и покачала головой, прижимая к груди край платка.

— Не могу, — прошептала она, робея под его злым взглядом. — Это последний батюшкин подарок.

— А по льду с ним скакать сумела? — рыкнул он и выхватил платок. Но Отрада вцепилась в него накрепко — и откуда только взялись силенки?!

— Дурная ты совсем! — хлыстнул ее взглядом Храбр и дернул так, что она едва не упала. — Платок тяжелый, мокрый, он тебе свободы для прыжка не даст.

В ее глазах появились слезы, но она лишь молча кивнула и отошла на шаг назад.

Храбр бешено оскалился, выругавшись про себя — с какого лешего он должен идти у нее на поводу?! — и сунул платок за пазуху.

— Сопли утри, сберегу я твой платок.

И, чтобы не слышать ее благодарного лепета, махнул на соседнюю льдину. Девчонка, оставшись в поневе и одной длинной рубашке, надетой поверх исподней, резко перескочила за ним, уже без былой неуклюжести и неповоротливости. В этот миг на их льдину наскочила другая, более тяжелая и мощная, и она подмяла ее под себя, медленно, угрожающе наваливаясь и грозясь раздавить рухнувших Храбра и Отраду.

Они упали как подкошенные и откатились на самый край, Храбр уперся ногами и спиной, держа перед собой на вытянутой руке девушку и не позволяя ей сползти еще ниже.

«Слава Перуну, что она тощая и худосочная попалась», — подумал он, хотя в их роду это считалось недостатком и серьезным изъяном.

— Когда льдина под воду уйдет, прыгай на вторую, ту, которая нас подмяла. Я тебя вытолкну, а ты главное, силенки отыщи.

— А ты как же? — осмелилась она спросить, но была остановлена оглушительным треском — их льдина начала рассыпаться и уходить под воду.

— Давай! — рывкнул он и вытолкнул ее вверх, а сам ушел под воду, едва успев глотнуть воздуха. И тут же страшный хлопок и всплеск ударил его по ушам, оглушил, лишил зрения и возможности чувствовать, и Храбр открыл рот в беззвучном крике — и захлебнулся водой.

Вокруг него была зеленая чернота, над ним медленно рассыпалась огромная льдина, ее обломки били его, оставляя синяки и царапины. У него не осталось воздуха, внутри была лишь вода, и он начал царапать льдину, биться о нее, сдирать кожу с рук и кулаков, пытаясь подвинуть, убыстрить, убрать.

— Храбр! Храбр! — надрывный девичий крик разнесся по реке, люди на берегу вздрогнули, а он услышал ее голос, и смог из последних сил оттолкнуться, отплыть в сторону.

А через миг маленькие, но сильные ладошки ухватили его за волосы, вытаскивая из воды, и боль вернула ему способность видеть, слышать, думать...

Отчаянно сопя, Отрада кое-как втащила его неподъемное, сильное тело на льдину, хоть ноги и большая часть туловища по-прежнему оставались в воде, и тут Храбр очнулся, полез дальше сам и долго, мучительно кашлял, выворачивая наизнанку нутро.

Он сплюнул несколько раз кровью, и вода, которая ласкала их неустойчивую льдину, ее смыла, и Отрада успела увидеть, но не посмела спросить.

— Ребра мне в детстве сломали, да они заросли криво, — хмыкнув, пояснил он и встал, слегка шатаясь от нехватки воздуха.

До берега оставалось несколько льдин, и он уже видел на нем мужиков, спешащих на помощь. Были слышны крики, причитания баб, чей-то громкий, надрывный плач. В сторонке от всех стоял его брат. Храбр и отсюда видел, что Твердыта не отрывал от него взгляда.

— Жених с суженой через костры священные прыгают, а мы с тобой, стало быть, через Рузу да по льдинам, — лукаво улыбнувшись, проговорила вдруг Отрада и хитро взглянула на него.

Храбр хмыкнул.

— Ты что ли, суженая моя?

— А что, нехороша? — подбоченилась Отрада, и Храбр подумал, что шутки шутками, и девчонка, конечно, не совсем всерьез, но если он ее сейчас оскорбит, на всю жизнь запомнит, как муж от нее отказался, да негодной счел.

— Ты вначале вырасти, округлости женской дождись, а потом уже женихайся. А то я тебя рукой одной обхватить могу и сломать. А вообще, девка, сперва я тебя выпорю, а потом уже об этом поразмыслю.

Отрада вскинула на него яркий, живой взгляд и клацнула зубами, задрожала всем телом, превращаясь из взрослой девушки, которой она хотела казаться, в маленькую, перепуганную девчонку.

Храбр крепко сжал ее руку чуть ниже локтя и помог перебраться на соседнюю льдину, а там их уже ждали свои мужики. На берегу Отраду тотчас увела в сторону знахарка, и, проследив за ними, кузнец недовольно скривился. Досужие, любопытные бабы, собравшиеся на берегу, и тут к девке не подошли...

На вершине холма, опираясь на клюку, стоял староста с двумя сыновьями. Храбр отвернулся, чтобы на него не глядеть.

Он стащил противно липнущую к телу рубаху, и к нему с отрезом ткани как раз подоспел младший братишка. Глаза у мальчишки были на мокром месте. Он бы и тулуп свой старшему отдал, да только мал он будет.

— Не реви, — Храбр потрепал того по спутанным светлым волосам и спросил с притворной строгостью. — Шапку где потерял? Вон, ветрище какой!

На берегу и впрямь задувало. Мимо по Рузе со скрипом да треском проносились огромные льдины. Поглядишь так со стороны, никогда и не поверишь, что удалось им перебраться по ним живыми.

— Храбр! — сбежав по холму, к нему со всех ног кинулся муж их сестры Белояр.

Стянув с себя тулуп, он накинул его на широкие, могучие плечи Храбра. Даже со взрослого мужика тулуп оказался мал кузнецу, который день напролет тяжелым молотом в кузне ворочал.

— А я мыслил, бабы-дуры напрасно на всю деревню голосили! Орут, мол, утоп кузнец с Бусовой дочкой. Тьфу! — Белояр сплюнул в сторонку. — Идем к нам в избу скорее, чего мы тут стоим! — он поспешно увлек за собой кузнеца с мальчишкой. — До нашей всяко ближе, чем до твоей. Ты и впрямь горемычную эту с льдины спас?

Помедлив, Храбр кивнул. Твердята прижался к нему сбоку, поднырнув под правую руку, и признался доверительным шепотом.

— Я там у холма горшочек обронил, тебе трапезу нес, когда Отраду на льдине увидал.

— Ништо, малец, ништо.

— На кой она удумала по льду скакать? — услышав их, спросил Белояр. — И стар, и млад знает, что недолго оставалось, пока Руза вскрыется. Все-то эта девка поперек делает! Одно слово — батюшкино наследие, Бусова дочка.

— Не горячись так, Белушка. А ты, — он посмотрел на младшего брата и щелкнул того по носу, — не вздумай уши греть и говорить кому, что услышал.

Твердята после слов таких едва на старшего брата не обиделся, хоть и не принято такое было. Что он, дитя малое?! Не ведает, что языком трепать как попало нельзя?

— Хорош кукситься, — Храбр улыбнулся, заметив, как насупился мальчишка.

Он повел плечами, в которых на холоде уже подстыла кровь, и откинул на затылок мокрые волосы, что лезли в глаза. Шнурок, которым он их обычно стягивал, потерялся где-то в воде или на льдине.

Пока дошли до избы Белояра и Услады, повстречали на пути добрую половину поселения — все так и норовили поглазеть да словом с кузнецом перемолвиться. Храбр от соседушек назойливых быстро подустал: не привык он к такому. Его-то изба, как и кузня, особняком от прочих стояла. Порой бывало, и по несколько дней кряду ни с кем из поселения не виделся.

Услава уже дожидалась их у забора. Едва завидев, птицей рванула к брату, только и летели следом концы беленого убруса. Храбр шагнул к ней, подхватил на лету и прижал ненадолго к себе, и тотчас же отстранил: мокрым он был ведь, еще ненароком сестру застудит.

— Братушка, да как же так, куда же ты полез, — причитала Услава, вытирая слезы убрусом. — Неужто ради этой Бусовой девки?!

— Устя, довольно, — Храбр нахмурился, и сестра, обиженно замолчав, повернулась к мужу, ища подмоги.

Белояр только руками развел: мол, я уже пытался. Твердята же вертел головой, смотря то на сестру, то на брата. Никак уразуметь не мог, отчего на Отраду взъелись все так да батюшку ее второй раз недобрым словом поминают?.. Помер он ведь, негоже о мертвых плохо говорить.

— Идем в избу скорее. Еще баню истопить надобно! — и Белояр, придерживая жену за локоть, увлек ее за собой.

Два брата пошли следом за ними.

Глава 2

— Радужка, пошто же ты туда сунулась?

Она лежала на лавке головой на коленях матери, и та ласково перебирала ее длинные распущенные волосы. От ее тихого голоса делалось еще горше: коли бы намотала на кулак космы да хорошенько оттаскала бы по избе, было бы Отраде не так совестно.

— Из-за Забавы, — она горько вздохнула. — Грозилась тетке Русане сказать, что я кудель всю попортила, коли б не сделала, как она велит.

— Вот девка, — мозолистые руки матери замерли на мгновение, — змея, а не девка! Зачем же ты ее послушала? — запричитала женщина. — Сказала б да сказала, пес с ней!

— И погнажи бы меня из их избы, и за работу не заплатили, — Отрада подняла голову с материнских колен и села на лавке, свесив на дощатый пол босые ноги. — А я всю седмицу к ним ходила! Это ж сколько труда напрасного!

— А коли бы ты погибла, доченька, — мать покачала головой и краешком серого убруса утерла наворачнувшиеся на глазах слезы. Она надсадно закашлялась и ладонью растерла место пониже груди.

— Видать, другое было угодно Богам, коли Храбр меня спас.

Сказала Отрада, обеспокоенно поглядев на мать, и покраснела как маковка, вспомнив, как держал ее кузнец своими огромными ручищами, ну точно былинку. И как спокойно ей было стоять подле него даже на здоровенной льдине посреди бурной реки.

— Пирогов напечем завтра, отнесем им в избу. Поблагодарить надобно хоть так. Да и детишки его поедят, чай, без мамки нечасто печевым балуются.

— Так у них и сестрица Улада есть, и в избе, я слыхала, по хозяйству бабка Веселина подсобляет, — Отрада поглядела на мать, склонив голову.

Она старалась говорить спокойно, чтобы не тревожилась мать еще сильнее. И так ей хватило нынче до конца жизни, когда услышала, что дочку из реки насилу выловили. И как только у кликуш этих языки не отвалились! Уж столько лжи по всему поселению растащили, что теперь поди дознайся, где правда!

А у самой-то, Отрады, до сих пор сердечко в пятки уходило, как вспоминала ледяной, пронзающий до костей холод, да черную гладь воды, да как со льдины на льдину скакали — вовек уж не позабудет. Она с жизнью тогда успела попрощаться...

Она нащупала на груди под рубахой лунницу и сжала ее поверх ткани. Еще один батюшкин подарок. Привез тогда с ярмарки из крепости ей украшение на тонком кожаном шнурке.

Отрада крепилась и старалась о плохом не думать и не вспоминать. А то как начнешь, так долго потом кудель будешь раскручивать, одно за собой другое тянет, и нитка за ниткой доберешься до того, что и вовсе хотела бы навсегда позабыть.

Вот и утерла она слезы, как из бани вышла, и пообещала себе, что о плохом больше думать не станет.

Ей бы на лавку не слечь после таких тревог. Да только нельзя ей. Нужно завтра сызнова к старосте в избу идти, работу выполнять, иначе не прожить им с матерью.

Хорошо, когда за тобой добрый Род стоит. А когда одна-одинешенька ты на всем белом свете, то жить трудно.

Поглядев на мать, Отрада устыдилась. Почувствовала, как вспыхнули на щеках жаркие пятна румянца.

Не одна она, бессовестная и неблагодарная, не одна! Был у нее и батюшка, есть и матушка.

Бедно жили они, но вместе. Все горести и радости делили на троих. А как сгинул две весны назад батюшка в лесу, вот тогда им с матерью стало по-настоящему худо.

Ну, ништо. Не напрасно, стало быть, уродилась она мастерицей, получила дар от матушки Макоши. Нитка ее слушалась не хуже, чем саму богиню. Все легко удавалось Отраде: и прясть, и ткать, и кудель плести, и узоры на тканине класть. С тем, над чем иная девка по нескольку дней корпела, Отрада управлялась до захода солнца.

Она подсобляла зимой да осенью с шитьем-тканьем, а за работу кто как отплачивал ей: кто грошики давал, кто в их избе дырки чинил-латал, кто бусинки на тонкую нитку нанизывал, кто куском мяса одаривал, кто молока выносил.

Так и жили.

А у старосты, у Зоряна, большая семья была, да только на всех мужиков две бабы: жена старшего сына, Русана, да жена второго, Неждана. А мужиков — полны лавки, поди на всех натки за зиму полотнище да сшей одежду, а особливо, когда рук не хватает. Забаву-то, дочку свою старшую, Русана старалась черной работой не нагружать, берегла, как умела, первое, выстраданное дитя.

А еще по весне задумал староста Зорян внуку Забаву сосватать за витязя из дружины княжеской. Тут и приданое требовалось особое, работы тонкой, чтобы полны сундуки были тканью богатой, уборами узорчатыми, по-особенному расшитыми.

Вот и подсобляла тетке Русане Отрада вторую зиму, безвылазно в избе у старосты сидела, с зарей от матери уходила и к заре возвращалась. Зато прибавлялось монеток в деревянном сундучке, зарытом под сеном в клети. И полегче им жилось.

Пока не уразумела Отрада все про свой дар да что умение ей досталось редкое, было похуже. Ту страшную зиму после смерти отца она вспоминать зареклась.

Снаружи раздался шум, и кто-то заскребся в дверь. Отрада вскочила на ноги, накинула поверх распущенных волос материн платок, пока та поспешила в сени — посмотреть, кого нелегкая на ночь глядя к ним в избу принесла.

Оказалось — знахарка местная, бабушка Верея.

— ... ненадолго, Любава, — услышала Отрада знакомый голос и выдохнула.

А то уже успела всякого себе вообразить.

В избу вслед за матерью вошла пожилая, невысокая, но все еще красивая женщина. Ее лицо было испещрено морщинами, в глазах отражалась мудрость прожитых весен.

— Здрава буди, госпожа, — Отрада поклонилась знахарке и поплотнее закуталась в платок — пока дверь открывали, успели сени выстудить, вот и пополз по деревянному полу морозный воздух. Она переступила босыми ногами и поежилась. Не скоро ей теперь лютый холод Рузы позабудется.

— И тебе не хворать, славница, — знахарка хитро улыбнулась ей и, пройдя вглубь избы, принялась расставлять на столе свою поклажу из плетёного кузовка, который держала, перекинув через локоть.

— Принесла тут вам всякого, чтоб ты не расхворалась. Небось, до костей замерзла сегодня? — все с той же хитрецей искоса поглядела Верея на Отраду и подвинула в ее сторону пару небольших, пузатых горшочков да мешочек с душистым, сухим разнотравьем.

Та лишь смущенно кивнула.

— Ой, да как же нам тебе за такое отплатить, Верея? — запричитала мать Отрады, Любава Брячиславна, оглядывая принесенные горшочки.

— Да мне твоя краса ниток напрядет, и довольно будет. Много ли мне надо, — и знахарка совсем по-девичьи подмигнула Отраде и поправила повязанный на голове платок.

Не будучи никогда замужем, она не носила ни кики, ни убруса, а платок надела, лишь когда волосы взяла первая седина.

— Давай хоть на стол соберу, посидишь, киселька попьешь? — принялась хлопотать над гостьей Любава.

Она поставила на стол кувшин и деревянные чарки и каравай, который испекла поутру.

— Да меня уж у Храбра угощали. Я к ним заходила, тоже травок всяческих оставила, — Верея махнула рукой, но за стол, впрочем, села.

От угощения не отказывались, коли не хотели хозяйку обидеть.

— Как он? — спросила Отрада, поглядывая в сторонку, чтобы не шибко любопытство свое показать. Она разлила по чаркам кисель и одну из них подвинула к знахарке.

— Да что ему, кузнецу, сделается, — та пригубила угощения и довольно чмокнула губами. — Ко мне брат его, Твердыта, прибежал, вот я и заглянула. А то на мальце лица не было, за Храбра испереживался.

— Знамо дело, — вздохнула Любава, усаживаясь за стол напротив гостыи. — После таких-то напастей, что детушки вытерпели...

— Да-а-а, — Верея с чувством покивала. — И отца похоронить, и мачеху, и стрыя...

Отрада невольно потянулась к своей луннице. Когда с такой бедой сталкиваешься, пусть даже касаешься ее вскользь, начинаешь искать у Богов защиты. Горе такое — и говорить о нем страшно. Всю минувшую весну да лето Храбр лицом черен ходил, а дети и того хуже... Лишь по осени оттаяли самую малость, ожили.

— Ох, как подумаю... — Любава горько запричитала. — Загубить людей, когда те с праздничной ярмарки возвращались. Да еще в лесу, тайком напали, лиходеи! Это ж как Мать-сыра-Земля носит этих выроdkов рода людского! Ведь живут на белом свете женщины, которых они матерями величают... как только руки не поотсыхали у них.

Отрада вздохнула.

Да-а-а. Крепко тогда сотрясало их общину. Нескоро после такого в лес свободно, без страха начали ходить, а детей и того дольше не отпускали. На ярмарку в городище ездили дальней дорогой, короткой стезей страшились проезжать. А уж глядеть в спину кузнецу да перешептываться и до сих пор не перестали.

Отрада поежилась, обхватила себя за плечи руками. На глаза помимо воли навернулись слезы, и она поспешно заморгала, прогоняя их.

— Добро, сам Храбр не поехал!

— И детушки при нем остались, — знахарка тепло улыбнулась. — А ведь когда захворал он, то велел Твердыте с Нежкой на ярмарку-то ехать. Мол, с отцом их, с мачехой да стрьем. Они же торговали там еще, все руки были на пересчет. А мальчишка, вишь, воспротивился, не восхотел брата бросать. Ему досталось от Храбра порядочно, а потом оказалось, что все к добру было.

Некоторое время обе женщины молчали, думая каждая о своем. Потом Любава Брячиславна и посмотрела на притихшую на лавке дочь.

— Радушка, иди проверь, как там куры в клетки. Да я еще бук водой залила, бадья в сенях стоит. Повороши там палкой, чтоб перемешалось все хорошенько.

Дочь подняла на мать насмешливый взгляд и улыбнулась: мол, не дитя сопливое уже, хочешь наедине со знахаркой о чем-то поговорить — так и скажи. А не утайкой из избы гони.

Но спорить не стала: послушно встала, заправила волосы под платок, всунула ноги в теплые валенки, накинула отцовский тулуп, в котором утонула, и вышла в сени, нарочно громко хлопнув дверь. Мол, ушла я, шушукайтесь на здоровье.

— Брат мой опять приходил, — поглядев ей вслед, горестно вздохнула Любава. — Все про избу да про Отраду речи ведет. Мол, я помру, девка сиротой останется. Еще и не просватанная, без мужского плеча и сама недолго проживет.

— Да что ж он раньше срока тебя на погребальный костер возводит, — нахмурилась Верея. — Такие разговоры и Богам не угодны.

— Глаз на избу положил, подлец, — так разозлилась Любава, что и слово дурное про брата родного не побоялась сказать. — Пока был жив мой Бус, Избор и к забору подходить страшился. Нынче же... вконец распоясался!

Но давно они уже к одному роду-то не принадлежали. Как выходила девка замуж, так входила она в род мужа, а от прежней семьи своей отворачивалась. Теряли над ней и отец, и братья прежнюю власть.

— Но и прав он тоже, — Любава приложила руку к груди. — Хрипы все страшнее да страшнее становятся. Даже отвары с ним уже не справляются. А коли твои отвары не помогают... — не договорив, она вздрогнула и махнула рукой.

— Ты бы сказала ей уже, — Верея покосилась в сторону плотно закрытой двери. — Пошто девку в неведение держишь.

— Да пусть ее. И так сполна хлебнет, как я помру. Пусть хоть нынче обо мне не печалится, и без меня, старой, ей забот хватает...

— Ох, Любава, Любава, — Верея покачала головой, но женщина крепко стояла на своем.

Не в первый раз знахарка этот разговор заводила, все надеялась добром уговорить мать Отрады, чтобы та дочери и про хворь свою лихую рассказала, и что дядька ее сватает для своего меньшого сына, чае все избу к рукам прибрать...

Но Любава противилась отчаянно. Вот и нынче мотала из стороны в сторону головой и руку к груди прикладывала: туда, где давно уже поселилась когтистая, злая боль.

— Пойду я уже, и так припозднилась. Я тебе особый отвар замешала, его только на ночь пей, — Верея медленно поднялась с лавки и указала на один из горшочков. — А девке своей травок завари, а то вон какая бледнущая стала.

— Не отошла она еще, — с нежностью сказала Любава и встала вслед за гостьей.

У самой двери она схватила Верею за худое, сухое запястье и взмолилась с отчаянной пылкостью.

— Ты пригляди за ней, прошу! Не бросай девчонку, как я помру. Одна на всем белом свете она останется ведь. Сиротой во второй раз станет, — на глазах Любавы выступили слезы, и она поспешно моргнула.

— Не брошу уж, — с тяжелым сердцем пообещала Верея и пригрозила пальцем. — Да только ты сама на костер не спеши особо, девку хоть замуж сперва выдай.

Любава улыбнулась сквозь слезы и прикрыла за знахаркой дверь.

На следующий день Отрада, как было заведено, отправилась в избу старосты. Русана встретила ее во дворе: возвращалась после утренней дойки. Поставив ведро на крыльцо, женщина вытерла руки о надетый поверх поневы и заправленный в пояс передник и пристально посмотрела на Отраду, остановившуюся в нескольких шагах от избы.

— Пришла, стало быть, попрыгунья, Отрада Бусовна, — недовольно, зло процедила Русана.

Нестарая еще женщина, она редко улыбалась и, того реже, смеялась, и потому уже давненько морщины поселились у нее в уголках глаз, и под носом залегли суровые, хмурые складки.

— Даже хворь тебя не взяла. Да и то не диво.

Отрада вздохнула про себя. Снова обзовет ее сейчас, как бывало обычно. Но Русана промолчала. Перекинула длинные края алого убруса на спину и небрежно кивнула головой в сторону избы: проходи, мол, коли явилась.

Скинув в сенях тулуп и обметая с валенок снег, Отрада вошла в горницу. Нынче она пришла раньше обыкновенного и столкнулась в избе со всей семьей старосты.

— О, утопленница явилась, — Перван, старший сын, встретил ее громовым хохотом.

Сцепив зубы, она поклонилась всем одним разом и скользнула на лавке к слюдяному окошку. Там ее со вчерашнего дня дожидалась неоконченная вышивка. Забава ее задирала, и Отрада оказалась на речке.

Она взяла в руки рубаху и склонилась над ней, стараясь не прислушиваться к разговорам, что вели за столом трое мужчин – староста, Зорян Нежданович, да два его сынка – Перван и Лешко. Забавы нигде было не видать, и Отрада порадовалась про себя. Тем лучше. Встречаться со строптивой девкой, через которую она чуть не утопла, не хотелось.

Староста встал с лавки, и она поспешно наклонила голову, отводя взгляд. Зорян огладил темную, густую бороду и вышел из горницы. Отрада побаивалась его, и не напрасно. У него был страшный, отталкивающий взгляд и глубокие борозды от морщин на лбу и щеках. И слухи про него ползали жуткие.

— Оправилась, стало быть, — встав следом за отцом из-за стола, Перван остановился в паре шагов от лавки, на которой сидела Отрада.

Заткнув пальцы за широкий кожаный пояс, над которым нависал живот, Перван рассматривал ее, словно диковинную игрушку, скользил взглядом по фигуре, лапал глазами.

Отрада удержалась от гримасы, сжала в ладонях рубаху и на всякий случай прикусила язык. Она чувствовала себя неуютно: Перван был высоким, дородным мужиком, с длинной густой бородой и неприятным, хищным взглядом, а его лицо так и лучилось самодовольством.

— Пошто расселась? — в горницу вошла Русана, неся в каждой руке по ведру. — Небось, не за гляделки тебе тут медяки дают. И так вон вчера ни с чем не поспела, пока на льдине с кузнецом обжималась.

Вспыхнув до корней волос, Отрада поспешно уткнула взгляд в вышивку и потянулась за костяной иглой. Да она бы и рада работать и горя иного не знать! Уж всяко не она сама к себе Первана покликала, не она первой с ним заговорила... Он же обжег девку на прощание взглядом и вышел из горницы, даже не посмотрев на жену.

А может, не так уж худо, что Руза вчера вскрылась, пока Отрада по льду бегала. Мужики за хозяйство взялись, к весне во всю готовятся: скоро посевная. Вот и староста с сыновьями ушел из избы сразу же после утренней трапезы: верно, пошли в хлев, осматривать, за что первым братья. Что починить надобно, где подлатать, где смазать, где сызнава выстругать.

У Отрады хоть от сердца малость отлегло. Зимой тошно было – невыносимо! Вся семья в избе сидит, она уж не ведала, куда глаза деть, чтобы с Перваном никак взглядом не встречаться. А он заладил: усядется на лавку напротив, мол, посмотреть хочет на дочку рукастую, на Забавку. А сам глазами зырк-зырк, и только на Отраду пялится.

И взгляд у него, ой, тяжелый был, из-под темных кустистых бровей. Тяжелый да липкий, словно деготь какой. Не отмоешься от него, не отвернешься. Кое-как Отрада зиму вытерпела. Ткала да нитку на кудель крутила, а сама все мысленно с собой беседы вела: мамка кашляет, батюшка помер, нужно и приданое себе справить, и матери помочь, и избу починить... А потому нужно терпеть.

Потом уж Русана заметила, на кого муж смотрит. Уж всяко не на дочку Забавушку. Заметила и стала к Отраде пуще прежнего придирается. Она и раньше-то неохотно ей за работу платила, так и норовила кривой узор найти, али край косой, али нитку тонкую. А теперь же совсем сладу с теткой Русаной не стало. Заставляла работу проделанную распарывать и сызнава перешивать, за кудель постоянно дергала, под лавку ее, словно ненароком, скидывала – как же, будет тут нитка ровная да толстая, когда злой человек под руку постоянно лезет.

Конец этому однажды положил староста Зорян. Как увидал, что невестка творит, так вытянул своей палкой промеж лопаток.

— Баба-дура, эдак девка с приданым до весны не поспеет! Как Забавку сватать будем, коли наряды не готовы?!

Отраде тетку Русану вроде и жаль было: хоть и старик староста, а рука-то прежнюю силушку сохранила. Неслабо он ее палкой приложил. А с другой стороны, теперь ей только Перван докучал, да и то мужик молчал в основном да глядел жадно. А тетка Русана успокоилась, больше ее не травил. Коли придирались, то по мелочам. Все полегче стало работать.

Отрада уже дни до весны считала: как посевная начнется, так она с приданым и закончит. А коли не закончит, все равно не будет больше к старосте в избу ходить. Вся община на поле работать выйдет.

По ее прикидкам осталось седмицы две-три. Уж и Руза вскрылась, и мужи взялись добро в клетях перебирать. Вот и бабы вскоре сундуки с вещами перетряхнут, птичек испекут и выйдут на холмы весну кликать. А там уж – рукой подать до посевной поры.

Подумав об этом, Отрада разулыбалась. Второе быстрее принялась иглой над рубахой размахивать. Скоро оставит она и избу эту богатую, но неудобную, и Первана с масляными, сладкими взорами, и злую тетку Русану и Забавку.

Ох. Дождаться бы.

До полудня она просидела над вышивкой, почти не разгибаясь. Русана то хлопотала подле печи, то выходила во двор. Ее старший сын, Годун, по пятам таскался за отцом, который вместе с Зоряном и Лешко хозяйничали во дворе. Двое других – Озим и Мал – возились с деревянными игрушками, сидя на полу подле печи.

Отрада торопилась положить поскорее последние стежки: ей нужно было поспешить, они же с матерью придумали нынче пойти к кузнецу, к Храбру, отблагодарить его за добро.

Оборвав зубами нитку, Отрада вспорхнула с лавки, и в этот момент в горнице из-за отделенного занавеской закутка подле печи показалась красавица Неждана – жена Лешко. Увидав ее, Отрада уразумела, почему не встретила ее ни разу за все утро, хотя обычно Неждана хлопотала по хозяйству вместе с теткой Русаной.

Лешко жену побил. У той на щеке расцвела здоровенная отметина, и под глазом, и возле губ – везде виднелись следы ударов.

— Что глазеешь? – желчно спросила Неждана, и замершая Отрада поспешно отвернулась от нее и бросилась в сени.

Там она натолкнулась на Первана и отпрыгнула от него назад, к стене. Ухмыльнувшись, тот вошел в избу и поглядел на Неждану.

— Что, братнина наука впрок пошла? — хохотнул Перван. — Нынче ты не так разговорчива, как давеча.

Отрада закусила изнутри щеку, боясь не сдержаться и сказать что-нибудь такое, о чем потом будет сильно жалеть. Она боком скользнула мимо Первана, затылком чувствуя его слишком пристальный взгляд, и поспешно выбежала из избы, не завязав тулупа.

На крыльце как раз застала тетку Русану.

— Все на сегодня исполнила? — требовательно спросила та и благодушно кивнула на тихий ответ Отрады. — Ну коли так, ступай, завтра свидимся.

Ее за забор как ветром сдуло. Многие, конечно, мужики жен поколачивали, про это-то она ведала. Но вот батюшка мамку ни разу пальцем не тронул, оттого Отрада совсем к такому не привыкла.

Завязав ремешки на тулупе и накинув на голову матушкин платок, она торопливо зашагала вниз по дороге, спеша домой. Их изба стояла чуть поодаль от прочих, в самом конце. Отец сам сколотил ее и сам поставил, когда решил остаться в поселении. Был он ведь чужаком... Да и сама Отрада своей так и не стала, хоть и родилась здесь. Вот как бывает.

— Радка, Радка!

Услыхав знакомый голос, она остановилась. К ней из стоящей вдоль дороги избы со всех ног мчалась подружка Стояна.

— Фух! Насилу тебя углядела, так спешила, что окромя платка ничего не поспела схватить! — отдышавшись, она стиснула Отраду в крепких объятиях. — Я еще вчера к тебе хотела зайти, да мамка из избы непустила. Сиди, мол, на лавке, приглядывай за сопляками, — и она принялась озираться по сторонам, словно опасалась, что суровая матушка вдруг разом окажется у нее за спиной.

— Да меня сон вчера сморил почти сразу, как в избу воротилась, — Отрада покривила душой, растрогавшись неподдельному сожалению Стояны. — Ты б меня и не застала.

— Да? Ну, помогай Род, — подруга отошла на шаг и, запахнув на груди платок, обвела Отраду цепким взглядом. Русая коса ее растрепалась от бега, выбившиеся прядки облепили румяные, кругленькие щечки.

Вся Стояна и была такой: ладная да румяленькая, круглая и справная, словно репка. Росточком пониже многих девок, но свое взяла крутыми бедрами да высокой грудью. Все в ней дышало здоровьем и бабьей статью, но отец не спешил пока ее сватать. Высматривал жениха получше да побогаче.

— Мне мамка сказала, у колодца бабы уж говорят, что кузнец наш тебя едва ли не голую из воды за косу достал, — Стояна покатила от хохота, а Отрада зарделась что маков цвет.

— Не так все было, — она фыркнула и опустила взгляд.

— А ты чего раскраснелась? Чего раскраснелась-то? — подруга, почуяв неладное, тотчас налетела на нее с вопросами. — Не прочь, чтоб кузнец за косу без рубахи потаскал?

— Стояна! — Отрада негодуяще зашипела и теперь уже сама принялась озираться по сторонам. — Совсем ты ума лишилась!

— Ой, ой, ой, — разошедшись, подружка никак не унималась. — Ты это дурное дело брось. Али не слыхала, что он по Нежданке сох?

— По Нежданке? Это которая невестка старосты нашего?

— Да-да, — Стояна закивала и, подражая взрослым бабам, завела обстоятельный, неторопливый рассказ. — Она ж красивой была, особенно пока за Лешко не пошла. За ней все парни таскались... мне сестра говорила, она как раз в ту весну в девках ходила, жениха ждала. Так вот, парни головы вслед Нежданке сворачивали. А она, вроде как, к Храбру льнула. Ну, и он к ней. Губа у нее была не дура: старший сын старосты, кузнец...это ж еще три весны назад было. Храбр ей браслеты выковал. И хоть отец его, мир его праху, против такой невестушки был, уж больно Нежданка вертлявая девка, все же Храбр ее за себя посватал. И по рукам ударили.

Отрада слушала Стояну, слегка даже рот раскрыв от удивления. И гадала все, как она о таком и ведать не ведала... Только тогда поняла, когда подружка сказала, что случилось все три весны назад. А у нее отец как раз в ту пору умер. Она не помнила, как они тогда с матушкой жили. Воспоминания туманом покрылись и похоронены давно в самом дальнем уголке памяти.

Немудрено, что любовные волнения да терзания, что в общине тогда случились, ее стороной обошли.

— Но тут Лешко под руку попался... Он ее дарами богатыми увлек. Вот Нежданка и купилась, она на серебро падкая, манкая. Их род самым богатым был, даже когда жив был наш староста Славута Володимирович, батька Храбра.

Стояна замолчала, чтобы перевести дух. Со смешком поглядела на Отраду и положила той руку на плечо.

— Эй, ты чего побледнела так? Дурно? Притомила я тебя своими разговорами?

— Нет, нет, — Отрада помотала головой. И добавила с неподдельным жаром. — Мне, напрочь, занятно очень!

— Ну, коли занятно, так слушай, — Стояна понятиливо усмехнулась. — Пошла Нежданка за Лешко. А от слова, даденного Храбру, отказалась. Ее батька им и выкуп заплатил – вестимо, деньгами Зоряна Неждановича. Я слыхала, они тот выкуп беднякам на ярмарке раздали, весь, до последней монетки.

У Отрады, пока подружка говорила, в голове крутилась дюжина вопросов. Но спросить она ничего не успела, потому что, хватившись дочки, на крыльцо избы вышла недовольная мать Стояны.

— Ах ты! Ты пошто шляешься, негодная? Тесто уже через край переваливается! А ну вертайся немедленно, пока я тебе косу не оборвала!

Втянув голову в плечи, Стояна помчалась в избу, даже не оглянувшись на Отраду. Та поглядела, как мать подталкивает непутевую дочку к двери, и пошла своей дорогой. Заболтались они, а ведь и ей поспешать следовало.

Матушка встретила ее торопливыми хлопотами: заворачивала последний каравай в рушник и бережно укладывала его в плетеный кузовок поверх первых двух.

— Идем, идем, Радушка. И так припозднилась ты! – Любава вытолкнула ее на крыльцо, не дав толком войти в избу. – Мало ли, еще Храбра не застанем!

Она молча забрала у матери тяжелый кузовок и перекинула через локоть плетеную ручку. Помыслила еще: спросить али нет про Храбра да про Нежданку... Но устыдилась саму себя и пообещала, что впредь о таких дурных вещах думать она не станет. Какое ей дело до сватовства кузнеца!

Они спустились вниз по холму и уже подошли к лесной опушке, когда Любава спросила:

— Что с тобой, Радушка? Лица на тебе нет!

Она вымученно улыбнулась в ответ.

— Все ладно, матушка. О вчерашнем вспомнила просто... сызнова испужалась.

Мать ласково погладила ее по щеке, и Отраде сделалось стыдно. Негоже лгать-то родительнице! Но как объяснить, что думала она одновременно и про синяки Нежданы, и про серые глаза Храбра, и как давеча улыбался ей смешливый Земовит с пушистыми кудрями, и про шепотки, которые летели ей в спину, пока она почти бежала домой...

Глава 3

Они поднялись по лесной тропинке на холм, на котором стояли изба и кузня Храбра – в отдалении от всех прочих, как и было заведено. Любаве забираться вверх да еще и по снегу было нелегко. Закололо пуще прежнего сердце, и она, посматривая, чтобы не углядела дочка, засунула под тулуп ладонь и легонько растерла место, где болело. Так ей присоветовала делать знахарка Веря.

Отрада никогда прежде в гости к кузнецу не заходила – да и с чего бы ей? – и потому с любопытством глазела по сторонам. А уж после рассказа Стояны, и подавно девку любопытство взяло.

Ладненькая, с узорчатыми причелинами да резными наличниками, с коньком на крыше да символом Перуна под ним, изба-шестистенок глядела на нее слюдяными окошками и высоким крыльцом.

Она аж голову задрала, рассматривая узор на причелинах: бежали по дереву волны да круги, катилось вечное сияющее солнце.

— Идем, Радушка, потом поглядишь, — мать дернула ее за руку, и она опомнилась.

Стояла да глазела будто дуреха!

Тем временем Любава поднялась на расписное крыльцо и толкнула дверь. На шум в сени выскочил мальчишка, брат кузнеца. Светловолосый, сероглазый, улыбочивый, нынче же он удивленно моргал, глядя на двух женщин. Опомнился лишь, услышав голос брата.

— Кто там?

Стало быть, матушка все верно рассчитала. Время-то трапезничать, вот и застали кузнеца в избе.

— Любава Брючиславна с Отрадой пришли, — через плечо откликнулся Твердыта и, опомнившись, поклонился женщинам, а после посторонился, пропуская их в избу.

Поспешно закрыв за ними дверь, он и сам торопливо запрыгнул в горницу. Встречать-то гостей он выбежал в рубахе да портках, а снаружи еще тянуло холодом.

Завидев двух женщин, Храбр поднялся с лавки. Судя по деревянным мискам, ложкам да горшочку на столе, они застали их посреди трапезы. Отрада, опустив голову, смотрела на кузнеца из-под пушистых ресниц: волосы цвета липового меда, темная рубаха с багряными тесемками на рукавах, широкие плечи. Кузнец был высоким, мать Отрады не доставала ему до плеча, и мощным — это было видно даже под одежей.

Мазнув по Отраде взглядом, от которого ей захотелось съежиться, Храбр посмотрел на ее мать и склонил голову.

— Здрава буди, Любава Брючиславна. Проходите к столу, будьте моими гостями.

И лишь после того, как хозяин избы ритуальными словами пригласил их войти, ступили они вперед, под матицу, и поклонились печи.

— И тебе поздорову, Храбр, сын Славуты, — выпрямившись, Любава Брючиславна ответила на поклон кузнеца и поглядела на застывшую на одном месте Отраду. — Уж не знаю, как мне тебя теперь отблагодарить, что дочь мою спас. Вот, пирогов тебе напекли. Отведай уж, не побрезгуй.

От дрожащего голоса матери Отраде захотелось провалиться сквозь землю. Протянув той тяжелый кузовок, она впервые помыслила, что, может, не стоило слушать Забаву да выходить на лед.

Ну, оболгала бы она ее перед теткой Рогнедой, велика ли печаль? Ну, отослала бы Отраду прочь... Верно, потом все равно обратно бы покликала. Приданое то справлять как-то нужно.

Зато не пришлось бы нынче стоять да слушать, как всхлипывает мать, сызнова переживая вчерашнее потрясение. Да под взглядом кузнеца Храбра тоже краснеть не пришлось бы. Правды-то он не знает. Верно, мыслит, она ради ребяческой, глупой выходки на лед вышла.

— ... потрапезничайте с нами. Твердята, поставь гостям миски.

Задумавшись, она пропустила часть разговора и собралась с мыслями, уже когда матушка подтолкнула ее в спину — проходи, мол, к столу. Сперва они сызнова поклонились печи, а уж только потом опустили на лавки.

Братишка кузнеца принес им миски да ложки и подвинул поближе горшок с горячим. По запаху Отрада узнала щи.

Пока мать и Храбр негромко говорили о чем-то, она украдкой осматривалась, боясь слишком уж сильно любопытничать. Младшая сестренка Твердята, светловолосая Милонег, смешно и нетерпеливо дула на щи, устав ждать, пока те остынут.

Отрада чуть повернула голову вправо и подивилась, какой же просторной была у кузнеца изба. Да еще и шестистенок! Где-то с другой стороны стены должна быть еще одна горница и светелка. Раньше здесь жил большой, славный род...

Таких крепких изб во всем поселении только две и сыщутся: у кузнеца да у старосты.

— ... да вот Отрада моя могла бы и подсобить!

Ей пора перестать так крепко о чем-то задумываться. Сызнова пропустила, о чем за столом шла беседа, и теперь не ведала, что и как ответить. Все взоры были к ней направлены, и она смутилась.

— С шитьем-тканьем, говорю, подсобишь Нежке? — заметив ее растерянность, повторила мать, и Отрада тотчас закивала.

— Подсоблю, подсоблю, — сказала она и запоздало подумала, что у девочки есть же старшая сестрица. Хоть и мужатая.

Неужто та родной крови подсобить не могла?.. Чудно как-то.

Отрада эту мысль быстро прогнала. Она в долгу перед кузнецом, он ей жизнь спас, собой рисковал. И долг этот никак ей не выплатить. А так хоть девчонке осиротевшей поможет.

Под конец трапезы, когда Твердята с Нежкой принялись убирать со стола, Храбр взял с лавки обернутый в рушник сверток и протянул Отраде, глядя куда-то поверх ее головы.

— Платок твой, — сказал чужим голосом и отвернулся: брат позвал.

У Отрады затряслись руки, и она моргнула, чтобы прогнать выступившие на глазах слезы. Последний батюшкин подарок с ярмарки. Все-таки Храбр его сберег... А она мыслила, что утянула его с собой темная вода.

— Благодарствую, — прошептала тихо, едва шевеля губами, и посильнее прижала сверток к груди.

Как только вскрылась Руза, да пошел по реке лед, седмицы полетели одна за другой. Это зимой обычно время тянется бесконечно долго, хоть и дел по хозяйству всегда достаточно бывало. Весной же время пролетало совсем незаметно. Вроде поутру только глаза открыла, а уже вечерять пора да сызнова на полати укладываться.

Отрада с матерью хлопотали по хозяйству. Перебирали одежду в сундуках, пересматривали все старые закрома. Что-то вытащили проветриться на свежий воздух во двор, что-то заштопали, что-то отложили в дальний угол — перешить, когда руки доберутся.

На той седмице устроили последние посиделки перед наступлением горячей поры: скоро просохнет на полях земля, и будет уже не до веселых разговоров да досужей болтовни. Начнется тяжелая страда, и потому девки стремились всласть и вволю насмеяться, чтоб с запасом хватило до новой зимы.

В самый последний вечер собрались в избе у Стояны: был ее черед принимать гостей. Расселись по лавкам да по сундукам, взяли в руки веретена, но больше болтали, чем нитку сучили.

Отрада, как ближайшая подружка, устроилась на почетном месте подле Стояны – сидели они, прислонившись спинами к теплой печи. Попивали кисель – его варить Отрада была великая мастерица.

— Давайте про страшное нынче! — предложила еще в самом зачине Забава, сидевшая на лавке во главе стола.

Так и повелось, что сказывали друг другу басни, как с ними что-то страшное приключилось: кто лучшего на болоте увидал, кого банник едва не придушил, кто дитя от Полночицы спас... На выдумки каждая девка была горазда! Жути натерпелись – седмицу по ночам спать не смогут, все будут басни вспоминать.

— А я расскажу то, что от деда услышала! — Забава нетерпеливо заелозила поневою по скамье – шибко хотелось ей басней поделиться.

Стояна пихнула Отраду локтем в бок и зашептала, борясь со смехом.

— Ох, и неподобающе елозит наша витязева невеста... — молвила острая на язык девка, и Отрада укоризненно покачала головой, пряча улыбку за кашлем.

Многие девки не любили Забаву. Слишком рано та возгордилась и нос задрала, что станет женой гридню из дружины! А ведь сватовство-то еще и не случилось, а она уже воображала себя княгиней, не меньше!

— Ходит по свету в людском обличье великая Мара-Морена, — тихим, вкрадчивым голосом завела Забава, и у Отрады за шиворотом побежали муравьи. Уж что-то, а басни девка складно сказывала!

— И любо Богине потешаться над людьми перед тем, как попадут они в ее мертвое царство, в темную-темную Навь. По-всякому Мара-Морена может рассудка лишить, но занятнее всего ей глядеть, как человек сам себя губит. Говорят, однажды Богиня заплакала, и слезы ее, упав на землю, превратились в диковинные самоцветы. Тому, кто волей али разумом слаб, кто недоброе замыслил, нашептывают камни страшные слова. Говорят, заради них творили люди ужасные вещи. Но не будет счастлив тот, кто их заполучит. Лишат камни его разума, толкнут на лихое дело.

Забава потянулась к чарке с киселем, чтобы смочить горло, и в горнице такая тишина повисла, что и писк мышинный раскатом грома показался бы. Притихла даже Стояна, которая рассказчицу на дух не переносила.

— А девкам, девкам можно эдакие самоцветы носить? Я б на себя примерила, — спросил кто-то из дальнего угла, и по лавкам зашелестел приглушенный смех.

Забава раздосадовано цокнула. Баснь она еще не закончила сказывать.

— А не сам ли Зорян Нежданович такое придумал? — не утерпев, вступила Стояна. — Али иной муж. Лишь бы бабам самоцветы на ярмарке не брать. То, мол, камушки Мары-Морены, негоже их в избу тащить!

Тут уж вся горница смехом грянула, и Забава от досады покраснела. Фыркнула, словно лисица, перекинула длинную косу с плеча на плечо и белые руки на груди сложила. Ее ближайшие подружки кинулись утешать, вдвоем нашептывали что-то горячо ей в уши и все косились на довольную, подбоченившуюся Стояну.

— Ты глупа, коли мыслишь, что я выдумку дедову тут пересказала, — Забава заговорила, когда утих смех. — А это взаправду все. Я слыхала, как дед однажды про самоцветы эти с мудрыми людьми говорил. Тебе не чета!

И коли сперва Забаве сызнава поверили, то последними словами она себя выдала. Говорила в девке великая обида, что над баснею ее посмели насмехаться.

— Маре-Морене и дела до людей нет. Станет она так забавляться, — с сомнением протянула светленькая Добруша, склонив голову на бок. — Она в Нави хозяйка и госпожа. Что ей Явь с живыми?..

— Если б я на самоцветы глядела, может, и сама рассудка лишилась. Уж большо хороши они! — вставила третья девка, и веселый смех снова ручейком потек по горнице.

Забава же насупилась, надулась пуще прежнего и ни словечка за весь вечер больше не сказала.

Когда поздним вечером девки разошлись по избам, Отрада задержалась подсобить подружке: собрали опустевшие чарки, вымели сор от разломанного каравая.

— Ты чего, пригорюнилась никак? — окликнула ее Стояна. Давно она присматривалась к задумчивой, даже пуще обычного молчаливой Отраде. — Али Забавка испужала? Так ты не бойся, нам такие самоцветы не носить!

— Ой, ну что ты, что ты, я и думать про них забыла уже! — Отрада махнула рукой и выдавила из себя улыбку.

Подруге она соврала. Лишь про баснь она и думала. Все мстилось, что где-то слыхала уже сказ про самоцветы Мары-Морены. Мстилось что-то знакомое в словах Забавы. Крутилась в голове мысль, но все ускользала и никак не давала поймать себя за хвост.

После тех посиделок, когда осерчала Забава, Отрада порадовалась, что с приданым уже почти закончила, еще седмица — и все. Лежали в сундуках в избе у старосты расшитые рушники да рубахи, высокими стопками были сложены полотнища, которые заберет Забава в новый дом к мужу. Отрада довольна была несказанно. Дождаться не могла, когда на последнем сундуке закроет крышку тетка Русана.

Совсем неудобно ей было в избе старосты. Перван стал чаще показываться в горнице, пока она корпела над полотнищем, снова садился на ту самую лавку напротив Отрады да глядел немигающим, смурным взглядом.

У нее и нитка в руках путаться начала — где это видано, отродясь она ни одной нитки не спортила, а тут! Тревожно ей было. И страшно самую малость. Вроде и не делал он ничего дурного, и в избе всегда людей полно, и одну ее никогда не оставляли. Но Отрада все же боялась и с каждым днем все неохотнее плелась в избу старосты. Но делать было нечего: уж коли взялась за что-то, так доведи до конца. И монетки, которые ей небрежно отсыпала Русана, лишними для них с матерью не были.

В один из дней, уже когда наступила пора полевых работ, и мужики взялись за соху, Отрада в последний раз пришла в избу старосты Зоряна. Осталось ей одно полотнище закончить, и все.

Работая, она мурлыкала незатейливую песню, но резко замолчала, когда в горницу вошел Перван. Невольно притянула к груди недошитый поясик и заерзала на лавке. Откуда бы в такой час оказаться в избе здоровенному мужику? На поле они ведь все нынче спины гнули. Даже кузнец пошел подсобить, вместе со всеми землю вспахивал. А тут... старосты сын, и в избе?

Отрада прикусила губу и не посмела поднять головы, чтобы ненароком не привлечь к себе внимание Первана. Но тому это было и не надобно.

— А что, мать тебя не учила при старших с лавки подрываться? — спросил он, остановившись в дверях. На нее он смотрел тяжелым, мрачным взглядом, из-за которого у нее по спине поползли муравьи.

Отрада поспешно подхватила в руки шитье и встала, прижавшись ногами к лавке. Обычно девок за работой не трогали. Коли вскакивать всякий раз, когда в горницу кто-то входит, можно за день и нитки единой не выпрясть.

— Прощения прошу, замешкалась я, — тихо произнесла она, разглядывая дощатый пол у себя под ногами.

Она почувствовала сильную ярость, что исходила от Первана, и ей сделалось страшно. Он возвышался в дверях — огромный, крепкий мужик, который двумя ладонями гнул подкову на ярмарке. Она против него — былинка. Сломает и не задумается даже. Невольно она сжала

поверх рубахи трехрогую лунницу на груди и почувствовала себя чуточку увереннее. Словно батюшка рядом с ней нынче стоял.

Перван насмешливо фыркнул и шагнул в горницу. Как нарочно, Забава с матерью ушла к колодцу, мальчишки крутились на поле подле взрослых, а Неждану она не видала с утра. Может, опять в углу за печкой отлеживается, после мужниных побоев.

Отрада с отчаянием покосилась на дверь. Вот вроде и не сделал пока еще ничего Перван, а у нее в голове одна мысль стучала: беги, беги! И почему она нерасторопная такая, не сдюжила пораньше с приданным управиться? Она ссутулила плечи и посмотрела на свои ладони, сжимавшие в мертвой хватке кусок ткани. Многие бы она отдала нынче, чтобы подальше от избы старосты оказаться.

— Дерзкая ты, — Перван хищно на нее поглядел и провел пятерней по густой, темной бороде.

Отрада забыла, как дышать.

Испуганной пичугой посмотрела на Первана и вздрогнула: выглядел он так, словно хмельного меда прямо с утра испил! Еще и пошатывался слегка, да неужто опьянел он?! Стыд и срам какой.

Она облизала пересохшие от страха губы, чувствуя, как быстро-быстро колотится сердце. Того и гляди, выпрыгнет из груди и ускачет прямо в лес.

Она сделала небольшой шаг к двери, и Перван кинулся к ней через всю горницу. Его руки сграбастали ее, прижав к стене. Прямо перед собой она увидела перекошенное злобой лицо мужчины, который ладонью накрыл ее рот, лишив возможности кричать.

— Мыслила, от меня можно так просто отделаться! — прорычал он ей в лицо, и Отрада поморщилась от хмельного запаха и капель слюны, разлетающихся во все стороны.

Она попыталась укунить его за руку, но Перван только усмехнулся и еще сильнее навалился на нее, буквально вдавливая весом своего тела в стену. Отрада не могла пошевелиться, и ей лишь оставалось прожигать мужика ненавидящим, презрительным взглядом.

— А ты не зыркай на меня так, не зыркай. Будешь ласковой со мной, и я тебе добром отплачу, — он улыбнулся ей, слюняво поцеловал в шею и свободной рукой потянулся к поневе.

Отрада замычала, подалась в сторону, пытаясь вырваться и отпихнуть Первана ногой, но у того была железная хватка, и он лишь оскалился в ответ на ее движения. Она зажмурилась и отвернулась, когда почувствовала, как его ладонь нарочито медленно скользила по ее ногам поверх поневы. К горлу резко подкатила тошнота, и волна отвращения захлестнула ее с головой.

Губы Первана по-прежнему мусолили ее шею, и Отрада подалась вперед, изо всех сил укусила его за палец, заставив убрать руку от своих губ. Она уже открыла рот, чтобы закричать, когда распахнулась дверь, и в горницу вошла Русана.

Ведра, которые Русана держала в руках, с громким стуком и плеском рухнули на пол, покотившись в разные стороны. На шум следом за матерью в горницу забежала и Забава. Русана с мгновение смотрела на них: растрепанная Отрада со следами поцелуев на шее, которую прижимал к стене Перван, ладонью стискивая ее бедро.

— Ах ты дрянь! — закричала Русана, замахиваясь рукой и пытаясь схватить ошеломленную Отраду за плечо. — Ёнда! Мужа моего вздумала увести?! — она резво преодолела разделявшее их расстояние, вцепилась девушке в косу и дернула на себя, отчего та зашипела от боли и изо всех сил оттолкнула женщину.

— Он... он... он! — Отрада отпрыгнула от нее, отбрасывая косу за спину и тяжело дыша. От ужаса она не могла вымолвить ни слова. — Он ко мне полез! — кое-как простонала она, оправляя рубаху да поневу.

— А ну молчи! — рявкнул на нее Перван. — Бреешь, волочайка!

— Уд бы свой лучше держал, ничего этого не было бы! — воскликнула Русана со слезами в голосе, повернувшись к мужу. — Мыслишь, незрячая я? Не вижу, как ты на девок других заглядываешься?!

Тяжелая оплеуха заставила ее замолчать, женщина пошатнулась и отступила на пару шагов назад. Забава тонко взвизгнула и прижала ладони к щекам, отступив в сторонку, к стене. Отрада, решив, что медлить нельзя, выскочила мимо них из избы и бросилась бежать через двор к воротам. За ней никто не погнался, Первану с Русаной было теперь уже не до нее.

Она закрыла за собой калитку и облегченно перевела дух, руками проводя по лицу, с ожесточением стирая с шеи оставшуюся после поцелуев Первана слюну.

Отраду била крупная дрожь, она громко клацала зубами, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Она еще никогда не чувствовала себя такой униженной и такой грязной. Пошатываясь и запинаясь на каждом шагу, она медленно побрела прочь от избы Зоряна в сторону дома. Она шла, низко склонив голову, смотря себе под ноги и не замечая ничего и никого вокруг. Из своего странного, полуобморочного состояния она очнулась, лишь оказавшись подле забора в родную избу. Как показаться матери на глаза в таком состоянии, она не ведала.

Закусив ладонь, чтобы рыдания не вырвались на волю, она тихонько приоткрыла дверь и вошла в сени. Ее била крупная дрожь. Слезы распирали грудь и не давали дышать. Пошатнувшись, Отрада оперлась о стену раскрытой ладонью и сгорбилась, второй рукой обхватив себя за живот. Зажмурившись, она вспомнила железную хватку Первана, когда тот ее удерживал, и зарыдала еще горше.

На ее плач из горницы высунулась перепуганная мать. Увидев зареванную дочку, Любава протянула к ней руки.

— Радужка... что, что такое приключилось, моя ясочка?

От ласковых слов Отраде сделалось еще горше. Любава же окинула ее встревоженным, взволнованным взглядом, подметив и слегка растрепавшуюся косу, и неровно запроваленную в поневу рубаху.

— Ну! Что же ты молчишь! Кто тебя обидел?!

— Матушка, — сквозь рыдания простонала Отрада и сползла вниз, на пол. Любава, пытаясь удержать дочь за плечи, осела следом за ней, и та уткнулась матери в плечо, все еще мелко дрожа.

Нашептывая ласковые слова, называя ясноглазой ясочкой и пташкой, Любава размеренно поглаживала дочку по спине, пока рыдания, наконец, не затихли. Сколько они так вместе просидели на полу в сенях — неведомо. Но вскоре Отрада смогла поднять голову и заплаканными, покрасневшими глазами посмотрела на мать.

— Дядька Перван... тетка Русана вошла... помешала, — кое-как выговорила она осипшим голосом и провела ладонью по мокрым щекам. — Прости, матушка...

Рука матери замерла на ее плече на мгновение, но почти тотчас Любава справилась с собой и продолжила гладить дочку.

— Что он тебе сделал? — спросила она ровным голосом.

— К стене прижал... — Отрада вздрогнула. — Целовать пытался...

— И?

— И все... тетка Русана вошла, — дочка тоскливо вздохнула.

— Ничего, моя пташка, ничего, — Любава притянула ее к себе, накрыла ладонью медовый затылок и поцеловала в лоб. — Не было ничего, вот и все. А в избу старосты больше ты никогда не пойдешь.

— Матушка, он сам... я уйти хотела... я даже не глядела на него, — испуганным шепотом произнесла Отрада, хватая мать за руки. — Я не... не...

— Тишшш, — Любава, опираясь ладонью о стену, медленно поднялась на ноги и потянула следом за собой дочь. — Не нужно об этом. Про Первана давно дурная слава ходит... да про

весь их род! – в голосе матери прозвучала непривычная злость, и Отрада сперва отпрянула, помыслив, что матушка разгневалась на нее.

— Не было ничего, слышишь, Радушка? А избу обходи дальней дорогой, — решительно повторила Любава и завела дочь в горницу, слегка подтолкнув в спину.

Отрада лишь растерянно хлопала глазами. Но рыдать и всхлипывать перестала, уж и так все глаза выплакала. Снова поежившись, она обхватила плечи руками и опустилась на ближайшую лавку. Потом откинулась на стену и устало прикрыла глаза.

— Матушка, он так разозлился... а коли сюда придет? – пробормотала Отрада вполголоса.

— Не придет, — спокойно отозвалась Любава. — Не весь разум он еще пропил свой.

Седмицу Отрада не казала носа из избы. До колодца сбегает с коромыслом – и быстрее обратно, в дом! Никуда не ходила, с подружками не гуляла и старалась побыстрее забыть про Первана. Да не думать о том, чего не случилось, но могло, не вернись тогда Русана с Забавой... Стояна к ней сама приходила, ее-то она была рада увидеть. Но даже подруге не смогла Отрада рассказать о том, что приключилось. Сказалась больной. Мол, одолела лихоманка, из рук все валится, голова тяжестью налилась, тело ломит...

Так и сидела она в избе, чинила прохудившуюся одежду, мела полы, делала из золы бучу – пора было и за стирку браться, к ручью идти. Но весь век-то взаперти не просидишь. Хотя мать ее не торопила. На свое единственное позднее дитя она надышаться не могла.

А в вечер накануне, как приготовилась Отрада из заточения своего выйти, явились в избу незванные, нежеланные гости. Они с матерью убрали стол после тихой, скромной вечери, когда громкий, нетерпеливый стук в дверь заставил их обеих подпрыгнуть – столь неожиданно он прозвучал посреди уютной тишины.

Любава побледнела, словно чувствовала беду, но пошла открывать, так и не взглянув на дочь. Отрада же едва поборолла желание скрыться за натянутой у печи занавеской – в бабьем куте, где обычно стряпали и хранили нехитрую домашнюю утварь: горшки и чугуны. Но все же осталась на месте, не посмев бросить мать.

— ... цыц, баба, сколько можно уже!

— Все людей почтенных вокруг да около водишь!

— Скоро уж перестарком станет, — из сеней послышались голоса, и Отрада охнула. В этот момент дверь распахнулась, в комнату скользнул ветер и вошли несколько мужчин.

— Вечеряли? – в одном из незваных гостей она узнала дядьку Живана.

Пока был жив ее отец, то вместе они бортничеством промышляли. А как умер, то дядька Живан все себе забрал. Мол, задолжал ему отец Отрады...

Невольно она отступила назад и опустила взгляд в пол.

— Уж давайте без вступлений! И так какую седмицу вокруг да около ходим! – второй знакомый голос заставил ее вскинуть голову.

Уперев ладони в бока, в дверном проеме стоял ее вуй, брат матери. Жесткие завитки его рыжих, косматых волос торчали из-под шапки, которую дядька Избор как раз стащил с головы и смял в огромных ладонях.

— Макошь свидетель, я в первый же раз сказала тебе всю правду, а ты сюда повадился через день ходить, будто медом намазано.

— Ты, баба, говорить будешь, когда мы велим. А пока посиди да послушай, о чем мужи умные толковать будут.

— Это вы у меня в гостях, а не я у вас! – возмущенно проговорила Любава Брючиславна. — И слушать я вас не обязана.

— Тут брат твой, опомнись, женщина!

— Я у мужа в роду уж третий десяток весен. Слова брата – не указ мне, — уверенно отрезала она. — Сказала же, не стану Отрадку сватать, почто еще ходите?

— Чтоб тебя да девку твою несмышленную уму разуму научить.

— Уж мы как-нибудь без вас управимся, — сварливо ответила Любава Брячиславна.

Отрада не ведала, куда себя деть. Когда мать упомянула сватовство, она едва сознания не лишилась. Пришлось назад отступить и ладонью о столешницу опереться. Тогда чуть полегче стало. Никогда прежде матушка ни о чем таком не заикалась, ничего дочери не рассказывала.

Да за кого же ее просят отдать? Тайком, из-под ресниц она поглядела на вую. У дядьки Живана сыновей-то не женатых не было... и сам он с женой жил. Стало быть, только дядька Избор остается...

— Ты, баба, погляди на чадушко свое повнимательнее, — вуй впервые за все время повернулся к Отраде. Он указал на нее скрюченным пальцем, и девка залилась краской, предчувствуя дурное.

— Тоша, рыжа, страшна, глазищами хлоп-хлоп, да язык без костей, да кое-где шило, вечно всюду лезет да вперед мужей говорит. Кто ее такую кроме сына младшего моего возьмет? Да еще и бесприданница считай.

Отрада вздрогнула, словно ее ударили, и снова склонила голову, продолжив рассматривать пол у себя под ногами. Ей пришлось закусить изнутри щеки, чтобы промолчать.

Любава Брячиславна же, с достоинством обойдя обоих мужиков, остановилась как раз перед столом, подле которого замерла дочь. Выпрямившись ровнехонько напротив брата, она укрыла Отраду за своей спиной.

— Ну так и не берите ее, худородную да худосочную! – твердо проговорила она. — Ладно, поболтали и будет, ступайте уже, а ты, Избор, крепко-накрепко запомни, что дочкой своей я торговать не стану.

— Ой дура, ой баба-дура, — вуй со всего маху швырнул шапку на пол, а дядька Живан только покачал головой.

— Ищо пожалеешь! – сказал Избор напоследок и громко хлопнул дверью сеней. Его дружок засеменил следом.

Когда все звуки стихли, Отрада тихонько всхлипнула: еще бы, такой позор... Уж как они ее хаяли да злословили... Любава же, выпроводив гостей, со стоном схватилась за грудь и медленно осела на лавку. Побледнела она аж до синевы и задышала тяжело, с хрипами да свистами.

Глава 4

— Матушка? – Отрада бросилась к ней, опустилась рядом на колени и схватила ее за руки, пытаясь заглянуть в лицо. – Матушка, что с тобой?

— Там, — кое-как прохрипела Любава и с трудом махнула рукой в сторону бабьего кута, — горшочки от знахарки... запарь мне.

И приступ надрывного, жесточайшего кашля скрутил ее едва ли не пополам, да так, что она и слова молвить не могла больше. Всхлипывая и размазывая по лицу слезы, Отрада припустилась в угол к печи, подобрав поневу. Взлетела на перевернутое верх дном ведро и нашла на полке нужный горшок. Дрожащими руками принялась развязывать нитку, чтобы снять холстину, которой он был укрыт.

То и дело она беспокойно поглядывала на мать. Любава больше не кашляла, но дышала все также хрипло, через силу. Руки тряслись, и Отрада долго возилась с завязкой. Потом едва не выплеснула половину мимо ковша, когда переливала из горшка жидку болотного цвета, и не ошпарила себя горячей водой из печи.

— Матушка, дай-ка подсоблю тебе, — она подступилась к матери с чаркой и поддержала той голову, пока Любава маленькими глотками пила заваренный отвар.

Выпила, и вроде полегче ей стало. Взгляд прояснился, к щекам кровь маленько прилила.

— Радужка, — мать неожиданно крепко схватила ее за запястье и усадила подле себя на лавку. – За сына Избора не ходи, уразумела? А сундук под крыльцом зарыт.

— Матушка, да что говоришь ты такое, — залепетала Отрада, хлопая глазами. – Какой сундук еще?..

— Говорю, чтоб ты за сына Избора не ходила, — строго и серьезно повторила Любава. – Я не велю. И про сундук не забудь! Разумеешь?

— Да, — словно замороженная кивнула Отрада. – Матушка, ты не волнуйся об этом! Идем, уложим тебя нынче подле печи.

— Добро, — синими губами прошептала Любава, вновь схватившись за сердце. – Добро, — совсем тихо сказала она, поглядела на дочку и обмякла в ее руках.

— М-м-матушка? Матушка! – Отрада в испуге отпрянула сперва, а после бросилась к матери, обняла ее за плечи и придержала шею.

Она принялась хлопать Любаву по щекам и даже слегка потрясла ее, захлебываясь слезами. Но мать безжизненно лежала в ее объятиях, и ее голова была запрокинута назад так, как у людей быть не могло.

Зажав рот ладонью, Отрада бережно устроила мать на полу, привалив спиной к лавке, и взвизгнула, когда шея у нее искривилась на бок. В ужасе она нащупала на груди лунницу, но нынче ей это не помогло. Хотя досель мысль об отце всегда придавала ей сил даже в самые трудные времена.

— Нужно знахарку Верею покликать... – пробормотала Отрада, давясь рыданиями. – Она подсобит, она подсобит...

Взметавшись по избе, Отрада схватила материнский платок и бросилась прочь, в темную-темную ночь. Глаза у нее были совсем лютые, пока мчалась она, не разбирая дороги, через лес. Встречные ветки хлестали ее по лицу и трепали волосы, норовя утащить из косы ленту. Она только зажмуривалась, оберегая глаза, и мчалась дальше.

Где-то вдалеке глухо ухала сова. Трещали, поскрипывали на ветру деревья. Шелестели тонкие, черные ветви. Полная луна показалась из-за тучи, заливая темный лес серебристым светом.

Под ногу подвернулась коряга, и Отрада со всего маху рухнула на землю, прочесав ладонями холодную грязь. Споро вскочив на ноги, она снова побежала вперед, даже не отряхнув поневы.

В избе знахарки горел светец, и, увидав, Отрада заплакала от облегчения. Запыхавшаяся, растрепанная, с размазанной по лицу грязью, она ввалилась в сени, громко зовя знахарку по имени.

— Отрада?! Приключилось что?! – спросил знакомый голос.

Когда она, слегка отдышавшись, смогла разогнуться и прекратила подметать длиннющей косой пол в избе, то увидала, что в гости к знахарке нынче вечером пришла не она одна. На скамье без рубахи сидел кузнец, который вытащил ее со льдины, а бабушка Верея обматывала его плечи длинными повязками. Одну из них она и держала в руках, когда в избу ввалилась Отрада. Да так и застыла нынче с ней.

— Матушка, — она всхлипнула и почувствовала, как слезы снова хлынули из глаз, — матушке дурно...

Она спрятала лицо в ладонях и не увидела, как переглянулись кузнец и знахарка.

— Идем, девочка, идем, — ласково заговорила с ней Верея и огляделась, ища свой тулуп. Храбр молча поднялся с лавки следом за ней и натянул темную рубаху прямо поверх повязок.

В молчании они вышли из избы, и Отрада вдруг затряслась, словно зайчишка. Стало ей сразу и холодно, и страшно, и жутко в дом возвращаться, хоть и ждала ее там мать. А как к лесу поближе ступили, да увидала она черную, непроходимую чащу, по которой совсем недавно бежала, так и вовсе на одном месте замерла. И шаг вперед ступить не смогла, все глядела да глядела на лес, широко распахнув глаза.

— Храбр, подсоби, — как во сне до нее донесся шепот знахарки, а потом огромная ладонь накрыла целиком ее кулачок и потянула за собой.

Отрада сделала шаг, другой. Сердце отчаянно стучало в груди, в ушах шумела кровь. Кое-как переставляя ноги, она брела следом за кузнецом, и у нее даже сил не было, чтобы подивиться, отчего бабушка Верея не торопится, ведь сказала же она, что матушке дурно...

Перед низеньким, покосившимся крыльцом в свою избу Отрада остановилась и забрала ладонь из теплой хватки.

— Нет, — она покачала головой, прижав к груди руки и поплотнее запахнув платок. — Нет, я не пойду.

— Постой-ка здесь, — велел ей кузнец и укрыл ее плечи своим тулупом, под тяжестью которого Отрада пошатнулась и едва не упала.

Она послушно замерла в шаге от крыльца, невидящим взором смотря прямо перед собой. Волосы ее давно растрепались, из толстой косы во все стороны торчали выбившиеся прядки. Тоненькое очелье сбилось набок. В иное время Отрада ни за что бы в таком виде чужому на глаза не показалась: стыд и срам растрепой ходить. Нынче же она об этом и не помыслила.

Дверь в сени не была закрыта, и потому Отрада слышала, как в избе негромко переговаривались бабушка Верея и Храбр.

— Макошь-матушка, — шептала знахарка. — Ох, говорила же я ей себя побережь... Совсем девчонка одна-одинешенька осталась. Кто теперь сироту защитит...

Раздались тяжелые шаги: старые половицы скрипели, когда по ним ходил кузнец.

— От кого? – спросил Храбр.

— Немало тех, от кого следовало бы.

— Устя, — Храбр окликнул сестру, зайдя в горницу.

— Братушка! — она порывисто развернулась, подбежала к нему, поцеловала в щеку и попутно испачкала мукой темную рубаху. — Давненько к нам в избу носу не казал, с Белояром

неведомо, где виделся, — Услава принялась выговаривать ему, словно он был бестолковым мальчишкой, а не братом старше ее на три зимы. — Потрапезничаешь с нами?

— Уж Нежка накормила, — он покачал головой, пряча в бороде невольную улыбку.

Сестра была для него отрадой, памятью о родителях и тех временах, когда он был несмышленным мальчишкой.

Когда-то очень давно у них был крепкий, сильный род. Отец, его братья. Да их самих четверо: Храбр с Уславой от водимой, Твердыта с Нежкой от меньшицы, которую отец в избу привел после смерти матушки. Полна людей была их изба-шестистенок, людей и громких голосов, плотно набитых лавок да столов, где все толкали друг друга локтями и теснились, чтобы уместиться. Услава заневестилась и ушла в другой род, а младшие, Твердыта да Нежка, заглядывали Храбру в рот, почитали едва ли не больше отца. Сестренка, родившаяся в лютую морозную ночь, и вовсе вечно цеплялась за штанину Храбра, училась ходить, держась за его гашник, плакалась ему в рубаху, коли попадало от матери за излишнюю непоседливость.

Отец был старостой и всегда хотел, чтобы в общине царил мир и спокойствие, споры все разрешал по Правде и так, как велело сердце.

Верно, не всем то было по нраву.

А зиму назад Храбр стискивал до боли ладонь Уславы, когда пламя погребального костра уносило в небо души их отца и мачехи, и стрыя-дядьки. Она плакала и кричала, а у него внутри все каменело и рвалось на куски от тоски и горечи, но глаза оставались сухими, а губы — плотно сжатыми.

И первые седмицы Твердыта с Нежкой жили в ее избе, пока Храбр изнурял себя непосильной работой в кузне, обрушая молот на наковальню, вколачивая в нее свою боль.

— Правду про Любаву говорят? Я у ручья слыхала нынче, — спросила Устя, озабоченно глядя на брата.

Тот неохотно кивнул, садясь на скамью за стол.

Сестра поставила перед ним чашу с холодным квасом и с материнской лаской провела ладонью по его волосам, отбрасывая их на затылок.

— А что приключилось-то?

— Устя, — он с досадой посмотрел на сестру, и та поспешно прикусила губу. Сплетен досужих ее брат не терпел.

Храбр покатал меж ладоней чашу с квасом и спросил.

— Я с Белояром хотел потолковать, где он?

— Да пошел соседу подсобить, бревна какие-то перетащить надобно, — Услава махнула рукой. — И Бажен с ним увязался. Уж скоро вернутся, с самого утра маются там.

— Добро. Там с ним переговорю, — он помедлил и было видно, что следующие слова дались ему непросто. — Бабка Веселина занемогла еще... нынче же земля как раз подсохла, на пахоту все вышли. Присмотришь за младшими, пока я в поле ходить стану?

— С радостью! Поживут у нас, отогреются хоть малость, — и Услава бросила на брата укоризненный взгляд, слегка поджав губы. — По добру, давно так сделать следует, — помолчав немного, добавила она и принялась ухватом вытаскивать из печи противень с хлебом.

— Покуда жену в избу не приведешь. Ребятишки наши растут как сорняки в поле! Тебя до захода солнца в избе не бывает, вдвоем кукуют.

Услава говорила сердито, расстроено — было видно, что давно у нее все это накопилось, накипело, вот и требовало нынче выхода. Она поставила противень на стол и накрыла пышущий жаром хлеб рушником, чтобы сохранить тепло.

— Храбр! — воскликнула она, уязвленная его молчанием. — Ну право, где это видано, чтобы малые такие одни жили!

— Они живут со мной, — ледяным голосом возразил он, мрачней на глазах. — Не одни. Бабка Веселина за ними присматривает и по хозяйству подсобляет, коли нужда есть. И Твердята не так уж мал.

— Ему только девять зим будет, — Устя покачала головой. — Ты взваливаешь на него слишком многое.

— Не слышал от него жалоб, — Храбр дернул плечом и посмотрел на сестру.

— Станет он тебе жалиться, как же! — она всплеснула руками. — Скорее от усталости упадет!

Сестра прикусила губу и замолчала, видя, что разговор был не по нраву брату и переубедить его, коли он стоит на своем, она все одно не сможет.

— Ты в избу к себе вернешься? — помолчав немного, спросила она и улыбнулась, когда Храбр кивнул. — Вот и славно, передашь Твердята да Нежке угощение, — Улада вытащила из печи еще один противень и принялась разрезать пополам сладкий медовый пирог. — А сам можешь и не есть, коли не по нраву! — с нажимом произнесла она, зная, что брат будет недоволен. — Но от сестрицы старшей гостинец детям передай.

Она завернула половину каравая в рушник и перевязала платок на голове, заправляя под него светлые, пшеничные волосы.

— Вуйко Храбр! — в горницу с радостным визгом влетел мальчишка четырёх зим отроду и сразу же бросился к сидящему мужчине, залезая ему на колени.

Вошедший следом за ним Белояр нахмурился и строго цокнул, одергивая сына, который требовал, чтобы дядька покачал его на коленях.

— Бажен! Иди подсоби матери на стол накрыть, — Белояр поставил мальчика на пол, подтолкнул в сторону жены и обнял Храбра, стукнув пару раз по спине. — На тебе лица нет, — негромко произнес он.

— Дурные нынче вести, — ответил мужчина, поморщившись. — Не при ней.

Они вдвоем взглянули на Уладу, снимающую с полок деревянные миски, и на Бажена, крутившегося подле матери, больше мешавшего, нежели помогавшего.

— Ну, пора и честь знать, — сказал Храбр, поймав взгляд сестры. Он взял со стола сверток с пирогом, потрепал сестрича по волосам и направился к сеним.

— Я провожу, — Белояр кивнул жене и быстро вышел следом.

Храбр стоял на крыльце, вцепившись ладонями в перила и сжав кулаки столь сильно, что побелели костяшки.

— К Зоряну заходил давеча днем, — начал говорить он, с трудом выталкивая каждое слово. — Этот ублюдок так скалился маслянисто, про Твердята да Нежку спрашивал. Мол, не страшно ли им одним в избе, меня-то днями в ней бывает, мало ли что случится. Не боюсь ли оставлять их после того, что с родом моим стало... — Храбр едва не рычал, с ненавистью глядя перед собой.

Он помолчал немного и вскинул на Белояра ожесточенный, озлобленный взгляд.

— Я его своими руками удушу, коли с детьми что дурное приключится. И суд воеводы мне будет без надобности.

— Не приключится, куда мы за ними присматриваем, — со спокойной уверенностью ответил Белояр, стиснув плечо Храбра.

Тот вздохнул и ссутулился.

— Отец на днях приснился, — тяжело обронил, немного помолчав. — Не знает его дух успокоения, куда я его убийце не отомщу.

Что сказать, Белояр не ведал. Не существовало таких слов, которыми можно было уменьшить тяжелое бремя, легшее на плечи Храбра, и он бы забыл, как увидел растерзанного, мертвого отца посреди леса. А подле него — мачеху и стрыя, и выпотрошенные мешки с добром, что везли они домой с ярмарки.

Покуда не доберется правды, покуда не поймают тех, кто такое зло над людьми учинил, и сам Храбр покоя знать не будет.

Когда он ушел, то Белояр еще долго стоял у забора да глядел ему вслед. Вернувшись в избу, столкнулся с разгоряченной, недовольной женой, которая налетела на него, едва муж переступил порог.

— Ну, хоть ты с ним потолкуй! — Услава вытерла рушником мокрые руки и сердито отбросила его на лавку. — Жену ему сыскать надобно! И за избой бы присмотрела, и за дитятыми.

Вместо ответа Белояр zalюбовался раскрасневшейся женой.

— Сколько можно по Нежданке печалиться! Уж третью весну она женатая баба, а Храбр все вздыхает!

— Да не вздыхает он по Нежданке больше, — муж махнул рукой. — Давно свое отлюбил.

— Так отчего ж на девок не глядит? — Услава подбоченилась и с подозрением глянула на мужа. — Вон их сколько в поселении, как грибов после дождя. Али опять присох к какой-нибудь дурной бабе?

— Ой! — Белояр поморщился и скривился. — Не ведаю я об том ничего. Все, довольно. Оставь Храбра в покое, жена. Он сам себе голова.

— Голова, как же, — Услава от возмущения даже фыркнула. Но с мужем больше заговаривать не стала и продолжила тихонько бубнить себе под нос, вымешивая тесто на каравай.

Глава 5

Две седмицы Отрада прожила как в тумане. Оно и к лучшему. Плохо помнила, как запалили для матери погребальный костер, как справили по ней тризну. Женщины пожалели ее, сироту, и сготовили столько кушаний, что можно было не один стол заставить.

А может, и не все жалели. Кто-то любопытничал, кто-то злорадствовал, а кто-то пришел поглядеть, что взаправду ее мать умерла и лежала на погребальном костре, укрытая выбеленным полотнищем.

Отрада сама белила его под конец лета. Мыслила, рубаху справит – себе ли, а может, и жениху. А тут вон оно как все повернулось.

Без матери в их маленькой избенке сделалось совсем тоскливо и пусто. Не зная, чем занять себя, Отрада маялась и шагала от стены до стены. То на лавке посидит, то у печи постоит – работа любая из рук валилась. Пробовала шить, и все пальцы себе исколола – едва ли не впервые! Потом нитку на веретене порвала.

Тесто поставила – так не поднялось, второй раз – скисло. Матушка всегда говорила, что стряпать надо с любовью, со спокойной, чистой душой. Оно и понятно, что все Отрада портила, к чему бы ни прикасалась. На душе у нее была одна маята.

Что дальше делать, как жить без матери – не ведала. Отец ее в это поселение давным-давно пришел, его приняли. Неохотно, но все же приняли – спасибо, вступился за него тогдашний кузнец Славута Володимирович, отец Храбра.

Бус избу поставил, бортничеством занялся. А жену себе, мать Отрады, тайком умыкнул – строгий дед Брючислав не дозволил чужому, пришлому мужчине свататься к дочке своей, не отпустил Любаву добром к неуголному жениху.

Он ее и украл. А как разула его Любава и стала мужниной женой, так вено великое деду Брючиславу ее батюшка выплатил. А все одно, родня такой дерзости ни Любаве, ни мужу ее, Бусу, не простила. Вуй Избор и вовсе дальней дорогой обходил отца Отрады, коли случалось им повстречаться. Никогда к ним в избу не приходил, когда Бус в ней был. И лицо у него менялось, стоило им просто взглядами пересечься. Таким злым, ощерившимся становился вуй Избор.

Нынче осталась Отрада совсем одна: отцовского рода, к которому принадлежала, она не знала. Никогда он не говорил, откуда да как забрел в их поселение, кто у него из родни есть. Были у нее вуй, дядьки по матери, но и к ним она не могла податься. Брат матери ни над сестрой после ее замужества, ни над сестричками власти не имеет. Жена покидает свой род и переходит под власть мужа, со всем старым связь обрывает и начинает новую жизнь, словно второй раз рождается. Для отцовской семьи девка умирает, чтобы жена могла войти в мужнину избу.

Коли б не то сватовство да разговор, после которого ее матушка умерла, Отрада, может, и пошла бы на поклон к вую Избору. Бросилась бы в ноги, попросила бы пригреть сироту, не дать себя в обиду, а избу – на разграбление. А там бы ее, может, и впрямь сосватали за дядькиного сына, ее брата двухродного. И стала бы Отрада женой, и ничего, как-нибудь стерпелось бы, слюбилось у нее потихоньку.

Не всем ведь в жизни такое счастье выпадает, как ее отцу да матушке, — по любви семью создать да жить, горя не ведая.

Но матушка перед смертью дала ей наказ, послушаться которого Отрада никогда бы не посмела. Велела за дядькиного сына замуж не ходить.

Потому и не пойдет Отрада к дядьке Избору на поклон. Сама как-нибудь проживет... Светлая Макошь ее не оставит. Она в это крепко верила.

Но вуй Избор все иначе порешил. Минула пара седмиц, и как-то под вечер, к трапезе, постучал он в избу. Сидевшая за столом Отрада подскочила от испуга и боязливо покосилась

на дверь. Уже несколько дней к ней никто не заглядывал, даже знахарка не приходила – больно забот было много в поселении, тяжело этой весной распашка шла, мужчины то спины себе надрывали, то на плечах расцветали широкие вдавленные полосы...

Поправив рубаху и привычно погладив лунницу, Отрада вышла в сени и отворила дверь. На крыльце стоял вуй Избор с женой Купавой.

— Отрадка! – дядька улыбнулся ей и широко раскинул руки, словно собирался ее обнять.

Но передумал в последний миг и шагнул в сени, мимо оторопевшей сестричны.

— Как ты поживаешь, Отрадушка? – Купава вошла в избу следом за мужем и окинула скудное убранство быстрым, цепким взглядом. – Вечеряешь, никак? Не помешаем небось тебе.

— Здрaвы буди, — опамятовавшись, Отрада отошла от стены, в которую вжалась, и закрыла за неожиданными гостями дверь. – Повечеряете? Чем богата... – она развела руками и шагнула в закуток у печи, чтобы взять еще ложек да мисок.

— Да нет, благодарствую, сыты мы, — пропела Купава, поправляя расшитой красной нитью убрoс.

Подобрав трехцветную поневу и подол свиты, она опустилась на краешек лавки, которую мастерил еще отрадин отец Бус и снова бегло огляделась. Ее наметанный глаз тотчас подметил и беспорядок, и позаброшенность, пустоту избы. Купава поджала губы и посмотрела исподлобья на мужа. Сдалась ему эта девка! Сыночку они могли бы и много краше да богаче невесту подыскать! А эта... хоть и с избой нынче, да от избы там одни слова. Так, лачуга покосившаяся, внутри разве что не ветер гуляет. Ни сундуков набитых, ни утвари, ни скотины.

Вуй Избор и вовсе остался стоять, привычно уперев широкие ладони в бока. Его дородный живот выдавался вперед, нависая над гашником портков. Красноречивых взглядов жены он нарочно избегал. Баба-дура, пусть сидит да помалкивает, не ее печаль, что муж решил! На то он и муж!

— Что же ты, Отрадушка, совсем за порядком не следишь, — укорила ее Купава и прищурила свои темные, лисьи глаза.

Девка смутилась, спрятала за спиной руки и, вторя тетке, обвела избу печальным взором.

— Да будет тебе, Купава, — неожиданно-негаданно за нее вступился вуй Избор. – Мать у девчонки только-только померла. Как может пока, так и управляется по хозяйству. Верно я сказываю, Отрадка? – и он подмигнул ей, склонив голову, отчего жесткие рыжеватые волосы упали ему на висок.

— Верно, дядька Избор, — бледными губами послушно согласилась Отрада.

Чуяла она недоброе. Больно уж злыми были у него глаза.

— Только так, знамо дело, ты долго не продержишься. Али пуп надорвешь, али батюшкино наследство по ветрупустишь.

Отрада вскинула на вую хмурый взгляд. От ее ушей не укрылось, как презрительно он произнес слово «наследие». Избор же и не заметил ее недовольства; он редко на девок глядел, когда говорил. Нужды не было особой – его и так все слушались. А вот жена его куда внимательнее оказалась. Разглядев, как вспыхнули недовольством болотные глаза Отрады, Купава и сама нахмурилась.

Не зря, ох, не зря старый дед Брячислав всю эту породу хаял да не любил: и дочь свою непутевую, и муженька ее ни на что негодного, явившегося в поселение как-то посреди ночи да принесшего с собой одну беду. Неспроста в ту осень коровы у многих баб померли.

— Вот я и говорю, стало быть. Одна не справишься. Муж тебе нужен, — и впервые за все время посмотрел Избор Отраде в глаза. – Кто и за избой приглядит, и за тобой... Мать твоя в последние седмицы не в себя была, теперь-то мне стало ясно... Иначе б не отказала, когда я тебя, сироту-бесприданницу, сватать пришел за своего младшего сына.

Отрада молча стояла и смотрела на дядьку. Она так и мыслила, что сызнова пришел он со сватовством.

— Ну так что, Отрадка, считай, сговорена ты, да? — дядька Избор довольно закрихтел, восприняв ее молчание за покорное согласие.

Он провел ладонью по длинной жесткой бороде, похожей на лопату, и улыбнулся.

— Нет, — тихо сказала Отрада. Не выдержав, она опустила голову – нелегко девке было мужчине перечить, да еще и родне. – Нет, дядька Избор. Матушка мне не велела за Любима идти. Я и не пойду.

Маетно ей было на душе. Глядела на вую, а рука сама тянулась сжать отцовский подарок, лунницу. Шальной взгляд дядьки Избора напоминал ей... Первана. Тот также смотрел на нее перед тем, как попытался зажать у стены да задрать подол поневы. Но здесь же было-что-то иное. Никак уразуметь Отрада не могла, отчего вуй так шепутно по избе взад-вперед ходил, взглядом каждое бревно, каждый закуток обшаривал. Словно искал что-то? Выглядывал? В волосы жесткие пятерню постоянно запускать да рвал их, в сторону оттягивал. На него и жена коситься начала. Видно, тоже удивилась. Вестимо, неспроста Отраде беспокойно было.

— Да как ты смеешь! – все напускное благодушие улетучилось у дядьки Избора в один миг. – Ты кем себе мнишь?! От сынка моего нос воротишь! Пойдешь за Любима как миленькая! Еще и благодарить меня денно и ночью станешь!

Вуй Избор распалялся все сильнее и сильнее. Он тряс поднятой рукой, сжатой в кулак, прямо у лица Отрады, и наступал на нее шаг за шагом, пока она не уперлась лопатками в теплую печь. Его жесткие кудри вылезли из-под очелья и рваными клоками торчали во все стороны вокруг головы.

— За тебя, худосочную и худородную, сына своего сватаю! А иные тебя не возьмут, коли поверх приданого еще довесок дашь!

— Так и ты не бери, — рассматривая пол у себя под ногами, очень тихо, но четко сказала Отрада.

Ладонь дядьки красной бляхой впечаталась ей в щеку. Ее голову повело в сторону, и она ударилась носом о печь. Губы окрасились в багряный, а во рту стало солоно. Она поспешно поднесла руку к носу и зажала, боясь, что испачкает рубаху.

Вуй Избор глядел на нее с такой рьяной злостью, что Отрада зажмурилась невольно, ожидая второго удара. Но подскочившая на ноги Купава уняла мужа. Заставила того опустить занесенную руку, принялась поглаживать легонько по локтю, что-то нашептывая в самое ухо.

Дядька Избор сперва оттолкнул ее так, что она к столу отлетела. Но тетка Купава не отступила и сызнова подошла к мужу, пролезла под локоть, пригладила встрепанные рыжие космы. На сей раз Избор жену выслушал, хоть и кривился недовольно все время. Потом замахал на нее рукой и повернулся к Отраде. У той уже хлынувшая из носа кровь залила всю ладонь и капала нынче на дощатый пол. Дядька Избор скривился. Рука у него чесалась добавить. Оттаскать за толстенную косу по всей избе да ремешком хорошенько проучить. Но девка пока была не в его власти. Ништо, помыслил он, ништо. Дай только сроку, дрянь эдакая.

— Завтра сызнова приду. Не согласишься – пеняй на себя, — грубо рявкнул он и, схватив жену за локоть, вытащил ту из избы, словно была Купава в чем-то виновата.

Отрада даже не пошла закрывать за ним дверь. Повернулась к печи и зачерпнула ковшом воды из ушата, чтобы умыться. Кровь все не останавливалась, и она скрутила из куса ткани жгут и заткнула им ноздрю. Потом опустилась на колени и принялась оттирать с пола свежие багровые пятна, пока не въелись в доски.

Защиты ей искать было не у кого. Коли был бы у них прежний староста, отец кузнеца Храбра, Славута, то она бы к нему кинулась. Упала бы в ноги и просила бы защитить сироту. Про него все говорили, что был он справедлив, и судил всегда по Правде.

Но к Зоряну Неждановичу она не пойдет. Избу его она собиралась обходить десятой дорогой после того, что сынок его старший, Перван, с ней едва не сотворил. Не ведала Отрада, как бы она смогла отца Первана о чем-то попросить... Верно, и тетка Русана уж свекру напела,

какой негодной девка-мастерица приданого оказалась. Может, еще и выдумала пару злодеяний, которые Отрада совершила...

Она и сама не заметила, как начала плакать. Очнулась, когда закапали на дощатый пол вместо крови ее слезы. Отрада всхлипнула и сердито провела по щеке тыльной стороной ладони. Что реветь-то теперь... Сделанного не воротишь, да она и не намеревалась.

Вуй Избор сказал, что завтра еще придет. Снова ударит, коли она откажет? Это она перетерпит, хотя батюшка в жизни ее ни разу не ударил, а матушка, коли и учила хворостиной, так всегда за дело.

Но власти у него над нею нет, это ведал и он сам, и Отрада. Потому и злился так, что понимал: не может он несносную девку заставить да силком замуж за младшего сына выдать. Со свету сжить – это, пожалуй, может. А вот против воли заставить – нет.

Утерев слезы да покончив скоблить пол, Отрада поднялась на ноги и уселась за стол. Подвинула к себе миску с остывшей кашей и, вздохнув, взялась за деревянную ложку. Трапезничать в одиночестве она нескоро привыкнет.

Поутру отправилась Отрада к реке бучить белье. Откладывала все да откладывала, не хотелось из избы выходить после тризны по матери. А тем временем одежды изрядно накопилось, вот и пришлось за порог нос высунуть. Да еще и с синяком после дядькиного удара. Теперь-то Отрада жалела, что на седмице со стиркой не управилась. Но делать было нечего.

Из золы бучу они еще с матушкой сделали. А накануне днем Отрада замочила в чугушке нательные рубахи да тканые полотнища, а после отправила в печь – хорошенько погреться.

Пока тащила тяжеленный ушат с мокрым бельем к реке, извелась. Встречным всем кивала, но старалась лицом так повернуться, чтобы не было видно отметины на щеке. Еще крюк большущий сделала, чтобы в избу Стояны заглянуть по дороге. Но ее мать сказала, что дочка пошла на поле, понесла обед отцу да братьям, потому пришлось Отраде развернуться да уйти ни с чем.

Девушки у ручья встретили ее настороженно, но приветливо, и у нее немножко отлегло от сердца. По первости она еще озиралась, выискивая глазами Забаву али девок, с которыми та дружбу водила, но спустя время успокоилась. Тетка Русана редко отправляла дочку в холодной, проточной воде возиться. Все больше такой работой нагружала жену Лешко, красавицу Неждану.

Пока вымыли девки всю грязь, пока прополоскали белье в проточной воде да разложили на камнях на берегу, налетели парни, наперебой принялись обещать, что к исходу весны надарят славницам узорчатые, резные вальки и каждую заберут замуж.

— Ой, пошто брешете, окаянные, от дела отвлекаете, — румяная, темнобровая Истома, уперев одну руку в бок, другой держала длинную палку с намотанным на нее рушником и грозила ею молодцам. — Попортите одежду – света белого не увидите!

— Чего налетели, ступайте, ступайте себе на поле, там вас соха заждалась! – вторила ей светленькая Добруша, спасая от назойливых молодцев рубахи.

Отрада фыркала себе под нос и с грустью глядела на свой самый обычный, затертый от старости валёк. Уж рукоять у него блестела – помнил он ладони и матери Отрады, и ее матери.

Может, пару седмиц назад она бы тоже сидела да мечтала, чтобы и ее кто-нибудь одарил резным, расписным вальком этой весной. Не просто же так Земовит шею ей вслед сворачивал, когда на тропинке наткался?..

Но нынче Отрада ни о чем таком и не мыслила. Никому она такая не нужна.

Она вздохнула и с особенным усердием принялась колотить вальком по разложенной на камнях поневе. Увлечшись, пропустила, как стихли вокруг голоса да веселые песни. А как подняла голову, то увидела, что прямо подле нее, в паре шагах стояла Забава и глядела, словно на грязь под своими ногами.

Верно, долго она так стояла. Девушки уж начали перешептываться да на них без стеснения коситься. Отрада затолкала вальком белье в ушат и нахмурилась. Видно, не высушить ей нынче спокойно на камнях рубахи. Забавка житья не даст. Не после того, что увидала тогда в родной избе.

— А ты смелая, — нараспев сказала внучка старосты. — И стыд лицо не жжет, на глаза людям казаться!

— Мне нечего стыдиться, — Отрада перебросила с плеча на спину пушистую косу и выпрямилась под злым, ненавидящим взглядом Забавы. Спрятала замерзшие, красные руки под отворот поневы и вздохнула.

Добром разойтись не получится. Забаву аж потряхивало от злости. У ее лица качались нарядные рясны, прилаженные к дорогому очелю, всякий раз, как дергала она головой.

— Что, кто-то уже уму-разуму поучил? — выплюнула та ядовито, кивком указав на отметину на щеке Отрады.

— Не с руки мне с тобой лясы точить, — Отрада пожала плечами и нагнулась поднять ушат.

Потом рубахи высушит. Сейчас хотелось от Забавы поскорее избавиться. Дурная молва быстро по избам поползет, вовек потом не отмоешься. А гордая девка была настроена на ругань.

Девушки остальные притихли, побросали вальки и, не таясь, ловили каждое слово Забавы.

— Дрянь! Какая же ты дрянь! Как посмела только ты перед батюшкой моим хвостом крутить! — в запале крикнула Забава и, сжав кулачки, потянулась к Отраде, намереваясь не то стукнуть, не то схватить за плечи.

Отрада же ловко увернулась, пригнувшись, и перепрыгнула на соседний камень. Забава ступила вперед, неуклюже поставила ногу и поскользнулась на гладком валуне. Всплеснув руками, она не удержалась и с шумным плеском свалилась прямо в заводь возле берега, намотав тяжелую поневу, свиту, косу да рубаху по локоть. Окунувшись в студеную воду, девка заверещала будто резаная.

Кто-то засмеялся. Это веселье подхватили другие, и вскоре по всему берегу словно ручеек потек звонкий, залиvistый смех. Отрада зажала ладонью рот и, не сдержавшись, приснула, смотря на покрасневшую, уязвленную Забаву. Подхватив ушат, она заспешила прочь — мало ли что сумасбродной девке в голову еще втемяшится.

— Ловко ты Забавку умыла! — на половине пути ее догнал улыбчивый Земовит.

Пригладив пушистые, светлые кудри, он потянулся забрать у Отрады ушат. Нести его ей и впрямь было несподручно, но она отвела руку в сторону и ношу свою взять не позволила.

— Да я и не делала ничего, — отозвалась она задумчиво, разглядывая юношу из-под пушистых ресниц. — Сама она поскользнулась.

— Давай подсоблю, — прямо сказал Земовит и сызнава потянулся за ушатом.

— Благодарствую, — Отрада покачала головой. — Сама я.

Коли он и расстроился ее своеволием, то виду не подал. Зашагал как ни в чем ни бывало подле нее по дороге. Все косился да косился в ее сторону, пока не выдержал да спросил.

— Кто тебя зашиб так?

Отрада затрепетала ресницами и прикусила губу.

— Упала я, — сказала она глухо и отвернулась. И услышала сбоку от себя прерывистый, рассерженный вздох.

— Кто побил тебя так? — гораздо настойчивее повторил Земовит. — Жених, поди, руки распускает? Ужель кому-то обещалась?

— Да что говоришь ты! — разозлилась Отрада.

Она ухнула ушатом о землю и подняла на Земовита гневный, пылающий взгляд.

— Бесстыжий! – припечатала она, топнув ногой. – Не ходи за мной!

И, сызнава подхватив тяжеленный ушат, заспешила от юноши прочь. Ее щеки пылали румянцем. Неосторожно оброненные слова Земовита всколыхнули в ней глубокую, застарелую обиду. Причем тут какой-то жених?! С чего он спросил, не обещалась ли она кому-то?!

Отрада спешила в избу, быстро-быстро перебирая ногами, пока спускалась с холма. Ничего и никого вокруг она не замечала, погруженная в невеселые думы. Длинная, толстая коса летела за ней следом.

Казалось, уже давно, а на самом-то деле, совсем недавно, до смерти матушки, хотелось ей, чтобы парни вели с ней любезные речи, чтобы смотрели жарко, чтобы сладко щемило у нее сердечко от их взглядов. Хотелось ей и самой испытать ту любовную истому, о которой все подружки давно баяли. Хотелось, чтобы все внутри трепетало при одной только мысли о любушке! Чтобы кожа вспыхивала там, где он ее случайно касался...

Нынче же... Чувствовала она только раздражение. Потянуло же его не вовремя жениха помянуть. Будто мало ей горя со сватовством вую Избора, еще Земовит чудные речи завел... И больше не льстило Отраде, что к ней он подошел среди прочих, да еще и с ушатом все подсобить чаял. А еще, как глаза закрывала, виделись ей другие руки. Натруженные, широкие ладони со светлыми отметинами после ожогов.

Она грустно вздохнула. Какая же она глупая. Ну, чего еще для счастья надо? Нет бы улыбнуться, обрадоваться, отрока приветить... А она!

В голове зазвучал матушкин голос, и Отрада сердито смахнула набежавшие на глаза слезы. Что уж теперь.

Глава 6

— Я нынче Отрадку видал, — начал рассказывать Твердята, когда брат отодвинул от себя пустую миску от похлебки и взялся за кашу, заправленную салом и диким луком.

По обыкновению они вечерали поздно, в неровном свете лучин, дождавшись из кузни брата. Когда-то давно в этой избе жил большой, сильный род. Храбру казалось, это было задолго до его рождения, хотя он знал, что с тех пор минула лишь одна зима.

— Они у ручья с Забавкой повздорили. А у Отрадки лицо разбито еще было. Сильно так, — продолжал меж тем Твердята. — У нее нос разбит и под глазом синяк большой

— Ты потому с обедом на поле припозднился, что без дела бродил да головой по сторонам вертел? — ровным голосом спросил кузнец.

— Нет, я как раз к тебе спешил, мимо ручья – самый короткий путь, — мальчишка говорил все тише, видя, как хмурился и мрачнел старший брат.

— Я тебе не велел разве семью старосты обходить дальней дорогой? Нашто тебе глядеть, как Забава с кем-то повздорила? — взгляд Храбра не обещал брату ничего хорошего, и Твердята почувствовал, как пересохло в горле.

— Я не на нее глядел! А на Отраду! — начал объяснять тот, но был перебит.

— Я больше слышать ничего не желаю. Узнаю, что хоть к кому-нибудь из старостиной избы подходил – выдеру так, что седмицу на лавку не сядешь, — Храбр строго посмотрел на Твердяту. — И неча тут! По чести да уму делать все следует, — велел он, услышав тяжелый вздох брата, склонившегося над своей миской.

Доев, Храбр отложил ложку и встал из-за стола. Он оставил Милонегу убирать грязные миски, кивком головы указал Твердяте на дверь и вышел следом за ним на прохладный воздух. На небе уж начали зажигаться первые звезды, и вокруг разливалась весенняя свежесть. Храбр вдохнул полной грудью и взглянул на стоявшего подле него на крыльце брата.

— Он повинен в гибели нашего отца, — сказал он, не назвав имени, но Твердята и без этого все уразумел. — И пока я не поквитался с ним, тебе даже глядеть в их сторону нельзя. Сколько уже раз говорено было...

Брат опустил вихрастую голову и с особым усердием принялся изучать доски, из которых было сколочено крыльцо.

— Я и не глядел, — сказал он своим рукам. На старшего брата смотреть ему было совестно. — Услыхал гвалт у ручья да и остановился. И все. А потом сразу пошел к тебе на поле, я ж обед нес! — пылко заверил он.

— Правильно Услава говорит, целыми днями что ты, что Нежка без присмотра. Болтаешься, где вздумается, — Храбр сызнова тяжело вздохнул и поправил шнурок, которым подвязывал волосы. — Отправлю вас к ней.

— Ты что, ты что! — Твердята кинулся к нему, подлез под правую руку, ластясь и пытаясь заглянуть в глаза. — Нигде мы не болтаемся, день-деньской напролет в избе сидим, как ты велишь! Не надобно нас никуда отправлять. Мы с тобой хотим...

— Пашенок, — Храбр смахнул со лба брата светлые кудри и притворно покачал головой. — Ладно, идем уж, Нежку одну бросили.

Когда они вернулись в избу, то им навстречу, шлепая босыми ногами по теплomu полу, вышла Милонег в длинной рубашонке до пят. Светлые распущенные волосы пушистым, невесомым облаком спускались по ее плечам и груди.

— Ты пошто не спишь еще, маленькая? — Храбр шагнул вперед, поднимая ее на руки, и отнес к печи, помог забраться наверх, на полати, где уже были разложены покрывало и подушка.

— Баснь хочу! — выпалила ясноглазая девочка, и он засмеялся.

Храбр погладил ее по светлой макушке и доверительно склонился к самому уху.

— Баснь я тебе завтра скажу. Нынче еще с делами потребно управиться.

— Эх, — совсем по-взрослому вздохнула Нежка. Она зевнула и заморгала сонными глазенками.

— Какая тебе баснь, уж засыпаешь на ходу, — Храбр погладил сестренку по затылку и поцеловал в лоб.

— Про камушки, — пробормотала Милонег и зевнула. — Про диковинные камушки...

Кузнец поглядел на сестру, которая уже наяву спала, и усмехнулся. Девчонка еще сопливая, в поневу не вскочившая, а все туда же: самоцветы ей подавай да украшения.

Он вернулся к столу, с которого Нежка смела крошки и убрала все грязные миски, оставив лишь чугунные горшки — поднимать их у нее не хватало сил. Храбр отправил их в печь, плеснул себе квасу из кувшина и одним глотком осушил чашу.

Твердята же пока достал из-за печи горшок, за которым сбегал перед вечерней к знахарке Верее. Внутри него вымачивалось в отваре чистое полотно.

— Надо к спине на ночь приложить. Бабушка Верее сказала, всю боль вытянет, — он подошел к брату, прижимая к груди драгоценную ношу.

— Ну, прикладывай уж, коли знахарствовать начал, — Храбр почти добродушно засмеялся, стянул рубаху и сел на лавку, подставляя младшему брату плечи и спину. Твердята разглядывал ее в неярком свете лучин, словно замороженный.

Он видел множество следов от ожогов и две свежие широкие полосы, что были впечатаны в кожу на плечах, — в эту распахку в общине не хватило лошадей для плуга, и его таскали самые крепкие мужчины. Твердята глядел, как по спине перекатываются напряженные усталые мышцы, и мечтал, что в один день станет таким же сильным, как его брат.

Мальчишка моргнул и принялся осторожно выжимать длинные повязки и обматывать ими Храбра, заправляя одна в одну. Он сосредоточенно сопел, прикусив от усердия кончик языка, и брат наблюдал за ним с улыбкой во взгляде.

— А почему отца Отрадки недобрым словом поминают?

— Вестимо, не от большого ума, — буркнул Храбр и повернул голову, посмотрев на мальчишку с укоризной.

— Разве ж его не приняли в общину? И батюшка наш за него поручился, слово дал — Твердята продолжал гнуть свое.

— Да.

— Тогда почему?!

— Так! — старший брат хлопнул ладонью по скамье. — А ну довольно повторять злые, глупые слова! Чтоб больше я от тебя такого не слышал.

Как и обещал, вуй Избор вернулся на второй день к вечеру. Отрада и бровью не повела, заслышав во дворе шум. Нынче она прогонит дядьку точно так же, как прогнала вчера. Пусть хоть до следующей зимы к ней в избу ходит, ничего не поменяется. Бить-то каждый день он ее навряд ли станет.

Насторожилась Отрада, лишь когда поняла, что мужских голосов было несколько. Медленно она поднялась со скамьи, и в этот самый момент в горницу вошли вуй Избор, его старший сын и верный дружок Живан. Тетка Купава нынче не пришла.

— Мы вот что порешили, — не дождавшись от Отрады ни слова приветствия, заговорил Избор. — Пока ты артачишься да рожу свою от моего сынка кривишь, в избе старшенький поживет, с жинкой.

Отрада подавилась воздухом, когда попыталась сказать хоть слово. Широко распахнув зеленые глаза, она уставилась на вую, не веря своим ушам. У него же на лице красовалась довольная ухмылка. Вот как с девкой дерзкой да настырной справился!

— Эту избу поставил мой батюшка. Он не твоего рода был, — собравшись с мыслями, молвила, наконец, Отрада. — Нету у тебя такой власти...

— А ну ша! — он прикрикнул на нее и замахнулся, но не ударил. — Будет мне еще сопливка вроде тебя указывать! Власть у меня по праву брата. Сестра моя померла, ты сиротой осталась, избу вести не умеешь, к хозяйству не приучена — тут и слепой увидал бы, что нужен крепкий мужик, пока отцовское наследство ты не растрепала. А замуж не хочешь — так я тебе в подмогу родича даю, а ты нос воротишь! Зараза!

Он недовольно крякнул, а его старший сын — Радко — вместе с дядькой Живаном закивали согласно, ну как есть деревянные истуканы.

Отрада коротко втянула носом воздух и скрестила на груди тонкие, натруженные бучением в холодной воде руки. Она поймала на себе неприязненный взгляд Радко: повадками и лицом тот пошел в отца. Такой же патлатый, приземистый мужичок. Даже шурился также и пятерню в жесткие кудри запуская.

Со двора донеслось лошадиное ржание, и Отрада спешно выбежала на крыльцо, накинув поверх рубахи матушкин платок. К покосившемуся, низкому забору по ухабистой, разбитой лесной стезе правила груженной телегой тетка Купава. Подле нее на облучке теснилась жена Радко — Лучка. Она теребила пальцами спускавшиеся на грудь концы простого, беленого убруса, и хмурилась.

Невольно Отрада позлорадствовала. Не всем в избе затея батюшки Избора пришлось по нраву. Только ей-то от этого не легче.

Фыркнув, лошадь остановилась, и обе женщины соскочили на землю. В повозке виднелся всякий домашний скарб: сундуки, плотно набитые мешки, пара потрепанных меховых одеял, ухват, чугунок, коромысло...

Отрада горько хмыкнула. Позади нее на крыльце торжествующе кашлянул вуй Избор.

— Ну так что, Отрадка, принимай родню, принимай гостей! Лучка тебе с хозяйством подсобит, хоть грязьцу ототрете, а то развела тут... хуже подклети со свиньями! Али ты не рада?

— Я к старосте на завтра пойду, — Отрада повернулась к нему и подалась лицом вперед, подступив близко-близко. — Не твоя эта изба, не смеешь ты тут свои порядки устанавливать! — прошипела она, сгорая от неистовой злости.

— Ох, как же мой сынок тебя укоротит, любо-дорого поглядеть будет! Всю дурь из тебя выбьет, как мужем станет, — усмехнулся вуй Избор прямо ей в лицо, а затем обошел стороной, оставив на крыльце в одиночестве.

— Купава, глупая ты баба, куда мешок тащишь, сперва сундуки снять надобно! А ну отойди, раззява! — широко, размашисто шагая, он направился к телеге, подле которой суетились жена и невестка.

Сжав в бессильной злобе кулаки до впившихся в ладонь ногтей, Отрада неотрывно глядела ему в спину. И снова помстился ей в глазах дядьки лихорадочный, болезненной блеск. И снова он говорил спешно, слова проглатывая, и суетился, руками размахивал, жесткие кудри сызнава трепал...

«Ничего, — утешала себя Отрада. — Ничего. Брошусь на завтра прямо в поле в ноги старосте. При всех он меня не обидит, да и Перван не тронет. Уж такого немислимого посприяния устоев даже Зорян Нежданович не допустит!»***

Солнце припекало почти как летом; безоблачное лазоревое небо слепило слезящиеся глаза.

Весна наступила стремительно. Всего за одну седмицу стоял снег и больше не выпадал, как частенько бывало. Теплый ветер обдул землю, и вот она уже рассыпалась под сохой, а не резалась тяжеленными, липкими пластами. Морозы не ударяли и по ночам, и потому на утро соха вольготно проходила сквозь почву.

Когда седобородый дед Радим, старейший муж в общине, сжал горсть земли в кулаке, а затем разжал его, повернув ладонью к низу, то почва рассыпалась при падении. Тогда и порешили, что поле для пахоты пригодно. Распашку можно начинать.

Работы нынче было – непочатый край. Общине недоставало лошадей, и плуг таскали самые крепкие, выносливые мужики. Отложив в сторону привычный молот и закрыв дверь кузни, Храбр вышел в поле наравне со всеми. Земля будет кормить их целую зиму, и коли не сдюжат ее вспахать, то и урожай родится скудный, и наступит в поселении голод.

Отбросив в сторону широкие кожаные ремни, которые надевали на плечи мужики, когда становились за плуг, Храбр утер с лица пот изнанкой рубахи из небеленого, грубого полотнища и пошел в сторону, где начиналось поле. Там уже собирались другие мужи: время близилось к полдню, и наступило время трапезничать.

Шла вторая седмица Березозола — самая пора для распашки. Уж скоро распустится березовый лист, и настанет время сеять овес. Им нужно было управиться меньше, чем за две седмицы, чтобы поспеть к сроку, и потому на поле вышли почти все мужчины, в общине остались бабы, дети да старики.

Храбр с наслаждением полил водой вспотевшую голову, встряхнулся и оправил рубаху, которую надевал для работы в поле. Он опустился на землю подле Белояра, привалившегося спиной к плугу. Тот полулежал с закрытыми глазами, гоняя во рту длинную щепу. Напротив них сидел крепко сложенный, коренастый Третьяк с сыновьями.

По центру их круга был разостлан рушник со снедью, принесенной каждым из избы. Храбр повел носом, учуяв запах дикого лука и копченого сала. Он отломил солидный кусок от каравая, взял сразу несколько перьев и пару полосок сала, запивая все квасом — еще прохладным с утра.

— Тяжко идет, — Белояр выпрямился, потянулся к горшку с тюрей — кушанью из хлеба и зелени, покрошенному в квас и сдобренному маслом.

Третьяк покивал, сердито почесал о плечо щеку, на которую налипли волосы, и хотел уже заговорить о своем, когда до них донесся недовольный голос старосты Зоряна.

— ... уходи, девка, я все сказал...

Лишь одно это заставило Храбра нахмуриться и вскинуть голову, прислушиваясь. Отложив в сторонку недоеденный каравай, он плавно, упруго поднялся, разминая затекшие ноги. Поправив тонкий кожаный шнурок, удерживающий волосы, чтобы те не падали на лицо, он свел за спиной выпрямленные руки, и на лопатках буграми вздулись натруженные мышцы.

Затылком он почувствовал недовольный взгляд Белояра, когда направился в сторону, откуда доносился голос старосты.

Там уже собрались и другие мужчины. С неприязнью Храбр увидел обоих сыновей Зоряна: Первана и Лешко.

А вот перед старостой, словно былинка перед горой, стояла Отрада. Ее-то повстречать на поле он никак не ожидал. Какое у нее могло быть дело к нему?..

Вестимо, важное, потому как Отрада отчаянно сжимала кулаки и натянута была, что тетива лука. И хмурилась, и беспокойно теребила кончик толстой, длинной косы, и поправляла простенькое очелье, и говорила быстро-быстро, захлебываясь словами. Все пыталась убедить в чем-то старосту, который смотрел на нее, словно на досадную помеху, назойливую надоеду. Так возница глядит на глубокую лужу перед колесами телеги.

— ... ополоумела, девка.

Храбр подошел достаточно близко, чтобы услышать обрывок фразы.

Зорян недовольно поморщился и притопнул ногой. От гнева он качал головой, и его длинная, густая борода моталась поверх рубахи на груди.

— Со взрослым мужем пришла говорить, бесстыжая! Требуешь еще что-то! Да кто тебе рот дозволил открывать при старших! — он нахмурился, и тотчас глубокие складки залегли по всему лицу: на лбу и переносице, и даже под носом.

Мужи за спиной старосты согласно загомонили. На Отраду поглядывали с откровенным осуждением.

— За меня некому говорить, — тихо отозвалась девка.

— Неблагодарная ты! — внезапно из-за спины прочих выступил вперед курчавый, патлатый Избор. — Я тебе — вуй! Я за тебя и говорить стану!

— Ты не моего рода! — Отрада в отчаянии повернулась к нему, заговорив громче. — У моего батюшки братьев не было!

— Так! — рассердившись, староста прикрикнул на несносную девку. — Я все решил! Ты сиротой осталась, отцовской родни не ведаешь. А за незамужней девкой присмотр потребен! И за избой. Как ты одна жить-то будешь, распустеха неразумная? Твой вуй Избор все верно сделал. Я ему добро даю, — он сердито взмахнул рукой. — Пусть живут в избе, пока мужа тебе, строптивнице эдакой, не присмотрят.

— Зорян Нежданович, — из последней надежды позвала Отрада, но староста, погрозив ей напоследок, уже отвернулся и зашагал прочь.

Храбр перехватил взгляд, который Перван бросил на одинокую, растерянную девку, и нахмурился. И еще пуще он нахмурился, когда та вздрогнула, отступила назад и вся съежилась, обхватив себя за плечи ладонями. Рассеянно посмотрев старосте в спину, Отрада вздохнула и понуро, обреченно поплелась в противоположную сторону, к поселению.

Храбр заскрипел зубами. Он сжал кулаки, и на руках у него вздулись жилы. Всякий раз, завидев старосту, он с трудом сдерживал себя, с трудом смирал ненависть и злость. Но нынче глядеть, как тот обижает слабую девку, было совсем ему тошно. Сызнова вспомнил, как разбирал ссоры его отец, пока был старостой: судил сердцем, выслушивал всех, слово давал даже малышне неразумной.

Нынче же... Что хотел, то и творил клятый староста!

— Непотребство творишь, Зорян Нежданович! — выкрикнул Храбр прежде, чем поспел хорошенько все обмыслить.

Он услышал позади себя раздраженный вздох Белояра, также подошедшего поглядеть, что приключилось, и сердито повел плечами. Довольно, сыт он по горло чужими увещеваниями и наставлениями!

Зорян, запнувшись, резко остановился. Скрестив на груди руки, он медленно повернулся и поглядел Храбру в глаза. Не ожидал он услышать кузнеца: обычно тот старался напрямую с ним не заговаривать.

— Ты все никак не успокоишься? — спросил он вкрадчиво.

— Что зимой посеял, то весной пожинаешь, — вскинув взгляд, процедил сквозь зубы Храбр, даже не пытаясь скрыть своей неприязни.

— Сызнова зарываешься? Уж и суд воеводин был, и виру ты мне за обиду платил — а все никак не успокоишься, — староста недовольно скривился, покачал головой. — Гляди, Храбр, бунтарей мне в общине не надобно. Мыслишь, коли воевода твое мастерство хвалит, простит тебе, коли сызнова против слова его пойдешь?

Зорян подпер ладонями бока, смотря на кузнеца снизу вверх. Благодаря могучему росту Храбр возвышался над ним на половину головы.

— Так я не о том речь веду. Говорю, непотребство ты творишь с девкой, — и кузнец кивнул в сторону, куда ушла Отрада.

Поморгав с пару мгновений, староста сердито крикнул. Он обозлился, что у Храбра получилось окрутить его, словно мальчишку. Ведь первым Зорян про давние обиды вспомнил, заго-

ворил о них. Стало быть, не шли они у него из сердца. А почему не шли? Пошто помнить о том, что бывшем поросло?..

Храбр довольно скалился, и это злило старосту еще пуще. Потоптавшись на месте, он махнул на него рукой и быстро отошел прочь. Сызнова в спор вступать ему не хотелось.

— Как мальчишка ты его поддеваешь, — пробурчал Белояр за спиной кузнеца. — Коли он вновь пойдет за правдой к воеводе, одной вирой ты не отделаешься

— Да уж разумею, — тот повел плечами, сбрасывая напряжение. — Но он и не пойдет. Чует кошка, чье мясо съела.

— Напрасно нарываешься, брат. Тебя, окромя памяти убитого отца, в избе ждут дети, — Белояр покачал головой и зажмурился от бывшего прямо в лицо солнца.

Развернувшись, Храбр окинул его долгим, пристальным взглядом и провел ладонями по лицу, прогоняя усталость.

— Ты должен думать о живых, — гнул свое Белояр.

Кузнец заскрипел зубами. Терпение у него давно все вышло, еще когда с Зоряном говорил.

— Как я могу думать о живых, пока убийца моего отца, моего рода ходит по земле?

— Твой род — в тебе и твоём брате. И будет в других, коли ты возьмешь себе жену.

— Довольно, — предостерегающе вскинув руку, кузнец поглядел на Белояра из-под нахмуренных, нахмуренных бровей. — Довольно об этом. Идем. Плуг уж заждался нас.

А вечером, как покончили со всей работой, Храбр отправился в избу к знахарке. Потолковать с ней про Отраду.

До широкой лесной опушки, где жила знахарка Верея, он добрался, уж когда солнце медленно катилось к закату. Ее жилье было совсем не похоже на другие избы в общине: ни высокого деревянного забора, ни хлева. Только бревенчатая избенка с крыльцом и банька неподалеку.

— Храбр? — удивленно спросила Верея, отворив ему дверь. — С чем пожаловал?

Внутри царил полумрак, и сладко пахло сухим разнотравьем: всяческие стебли, листья, корешки сушились на натянутых над печью веревках. Всюду были разложены душистые травы, стояли горшочки да кувшинчики. На столе лежал хлеб, прикрытый рушником, да стояла кружка молока. Верно, он оторвал знахарку от трапезы.

— Потолковать с тобой хочу, — Храбр взял с лавки ковш, зачерпнул воды из ушата и сделал несколько жадных глотков.

— Ты никак прямо с поля? — Верея проницательно сощурилась. — Приключилось что?

— С поля, да, — кузнец кивнул.

Опустившись на лавку напротив знахарки, он нервным, рваным движением закатал по локоть рукава рубахи. Яркое весеннее солнце припекло кожу, и она посмуглела всего за пару дней, как вышел он на поле да встал за плуг.

— Отрада нынче к Зоряну на поле приходила. Ее из избы гонят? — спросил он прямо.

Ходить вокруг да около Храбр не любил.

— Избор к ней старшего сына с женой подселил, — Верея пожевала губы, раздумывая над ответом. — Пошто спрашиваешь?

— Девчонку жалею.

— Ой ли? — она обожгла его коротким, недоверчивым взглядом, и кузнец смутился, словно безусый мальчишка.

— И Зорян не по Правде поступил, — осердившись, Храбр мотнул головой. Взгляд Вереи, казалось, и впрямь прожег ему дырку посередине лба. — Не смеет ни он, ни Избор чужой избой володеть. Да Отраде приказывать.

— А кто смеет? Ты девке тоже не жених.

Веря смотрела на Храбра с неодобрением, будто на провинившегося мальчишку, и для нее ничего не значили ни прожитые им зимы, ни его кузнечное дело, ни борода. Никому другому он бы такого не спустил. Но перед мудрой знахаркой склонял упрямую голову да слушал, что она говорила. Зубами скрипел, кулаками хрустел, но слушал.

— Ты вот что! – Веря сердито подбоченилась. – Твоя вражда со старостой – дело твое. А Отрадку ты не трожь, девка и так настрадалась, и еще хлебнет немало. С родней постылой жить...

— Моя вражда со старостой тут ни при чем! – Храбр сжал на столе тяжеленные кулаки, но знахарка и глазом не моргнула.

Ее ни сила его, ни норов крутой да вспыльчивый не пугали.

— Ой ли? – повторила она свой вопрос и прищурилась. – Ты гляди мне, кузнец, коли девке через тебя еще хуже сделается, вовек не позабуду!

— Да что говоришь ты, госпожа! – Храбр вскинулся и, недоумевая, посмотрел на знахарку. – Уж не мыслил никогда, что похож я на труса, который бабьей юбкой прикрываться станет!

Он сердито засопел, и некоторое время они с Вереей буравили друг друга гневными взглядами, пока знахарка не отвернулась первой. Подперев ладонью сухую, морщинистую щеку, она постучала ладонью по столу.

— Добро, — смягчившись, сказала она. – Не серчай. Мать ее незадолго до смерти своей просила, чтобы я Отрадку не бросала да одну не оставляла. Тревожусь я за нее. Непокойно мне. Неспроста Избор за избу так цепляется.

Веря встала и принесла на стол кувшин с теплым киселем и чарку для Храбра.

— Голодный, небось?

— Нежка покормит, — он улыбнулся и махнул рукой. – Да там изба неприметная, плохонькая совсем. Нашто она Избору?

— Вестимо, для чего-то потребна. Коли уж старшего сынка сослал в покосившейся избенке жить.

Вздыхнув, Веря уселась за стол и снова подперла ладонью щеку. Неспешными глотками Храбр хлебал сладкий, густой кисель. Вертелась на задворках какая-то мысль, но все ускользала, и он не мог ее поймать.

— Выживут девку из отцовского дома. Замыслил что-то Избор.

Храбр посмотрел на знахарку с недоверием, но ничего не сказал. В таких делах бабы всякого лучше него разбирались, тем паче, знахарка. Он в отца пошел. Тот, хоть и был старостой, а никогда ни с кем ничего не замышлял, худого против других не наговаривал. И правду тоже всегда рубил с плеча, какой бы горькой она ни была.

За это и поплатился. Что хитрости в нем совсем не было. Ни хитрости, ни лукавства, одна честность, но и та не уберегла.

Может, и впрямь лучше жить, как Избор?..

Храбр заскрипел зубами. Напрасно он отца вспомнил. Тяжело теперь ему будет успокоиться.

— Возьми ее к себе в избу, — ляпнул он просто потому, что хотел отвлечься от тягостных мыслей. – Коли родичи прочь погонят.

— Нехорошо так, — тихо отозвалась Веря. – Я и сама об том мыслила. Но нехорошо. Избу отец ее строил. Там каждое бревнышко его руки помнит и знает. Домового через порог тоже Бус перенес. И как ей уйти оттуда?

Смутившись, Храбр пожал плечами. О таком он как-то не помыслил.

— Ладно, — Веря вздохнула. – Пустое. Что толку говорить нынче о том, что еще не случилось. Будет день – будет пища. А ты бы, сынок, не цеплялся к старосте почем зря. У него своя дорога, у тебя – своя.

— И однажды они пересекутся, — глухая, клокочущая ярость прорезалась в тихом голосе кузнеца. — И я поквитаюсь с ним за отца.

— Ох, сынок... – Веря покачала головой. В глубине ее темных глазах плескалось беспокойство. – Подумал бы о брате с сестрой. Твердята на тебя надышаться не может.

— О них и думаю, — угрюмо буркнул Храбр. – Как жить можно, коли отец неотомщенным остается? Да меня первого Боги проклянут, и правы будут!

Глава 7

Четыре седмицы вытерпела упрямая Отрада.

Минул Березозол, и начался Травень.

На Ярилу впервые после долгой и холодной зимы выгнали скотину на пастбище. К Пролетью закончили пахоту и начали посевную. Во славу скорого лета разожгли высокие костры и поддерживали в них огонь всю ночь напролет.

Сперва, как распустилась береза да заквакали лягушки, засеяли овес, «северный хлеб». После зацвели яблоньки – и посеяли рожь. Когда зацвел можжевельник – начали сеять ячмень. Осталось дожидаться первую кукушку, и пойдут девки сеять лен.

Еще зиму назад скоротечное время между началом пахоты и посевной было у Отрады любимым. Община встречала весну. Прибавлялся световой день, раньше показывалось из-за горизонта теплое солнышко и позже заходило. Заводили первые весенние хороводы, разжигали костры, пели веселые песни. С приходом тепла начиналась новая жизнь.

Нынче же и пляски, и гулянья, и песни – все прошло мимо Отрады.

Постепенно старший сын вuia Избора – Радко – да жена его Лучка вытеснили ее из родительской избы. Благо, стояли теплые деньки, и, уходя ночевать в клеть на сено, она не мерзла. Куталась в отцовский кожух и ревела, обильно поливая слезами колючую сухую траву, но не мерзла.

Лучка установила в избе свои порядки, и, как ни пыталась Отрада поначалу противиться, под конец смирилась. Все баба переделала под себя: посуду сменила, матушкину утварь попрятала да свою заместо принесла. И ковши, и горшки, и миски, и ушаты, и бочку для воды. Хоть не выкинула.

Отрада воспротивилась, поспела. Лучка уж собрала все в один узел и бросила на землю под крыльцо, мол, с глаз долой. Приговаривала, что как вернется с поля Радко, снесет куда подальше ветхое добро. Отрада все собрала бережно и в подклеть отнесла, схоронила на самой дальней верхней полке. В ту первую седмицу она еще надеялась, что однажды сызнова станет в избе хозяйничать.

Но после стало ясно, что как была она при матери глупой девкой, так и после ее смерти умишка у нее не прибавилось.

Всем теперь заправляла Лучка, и Отраде не нашлось места в избе, которую ее батюшка своими руками срубил. Ушла она в клеть, словно приживалка, словно своего дома у нее не было.

Теперь не было.

Ночевала в клети да и днем старалась без надобности в горнице не показываться. По утрам трапезничала куском, который успевала урвать, а вот вечерами они все вместе за столом. Отраду и тут попрекали. И стыдили. Мол, коли б ни родня, давно бы от голода померла. Все, что хлебала она нынче ложкой, все благодаря доброте дядьки Избора...

Впрочем, и для Радко с Лучкой изба домом не стала. Не по нраву им было шибко, но возражать наказу старшего в роду, вuia Избора, они не смели. Потому и терпели. И на Отраду зыркали недобро, и с каждым днем все злее да злее становились. Все пуще к ней Лучка придиралась, работой непосильной нагружала.

И что бы ни делала Отрада, все бабе не по сердцу приходилось. И белье она не так бучила, и воды мало приносила от колодца, половину себе под ноги проливали, и ела она за десятерых, а работать ленилась, и смотрела косо, и взглядом злым обжигала.

Знай себе, ходила Лучка из угла в угол в крохотной избенке и костерила почем свет стоит. И домового, и Избора, и мужа, и упрямую, ненавистную Отраду, из-за которой они с Радко вынуждены в лачуге покосившейся ютиться...

Отрада обиду за обидой молча проглатывала. Лишь когда совсем немоготу становилось, выбегала из избы, скрывалась в лесу за опушкой да припадала грудью к могучему дереву, обвивала руками жесткий ствол и все свое горе выплескивала. Вроде и полегче малость делалось, когда вместе со слезами боль выходила. А потом возвращалась в избу, ставшую ненавистной, и снова встречалась с Лучкой...

Единственную радость, и ту Лучка у нее отобрала. Воспретила за нитку братья, к веретену подходить. Ни вышивать, ни ткань, ни прясть – ничего не велела делать. И рубахи ее нарядные, любовно расшитые, куда-то попрятала. Грозилась и вовсе их сжечь, коли Отрада ослушается.

Сундучок, в которой они с матерью складывали то, что Отраде люди за работу давали, вуй Избор еще в самый первый день забрал, когда привез в избу сына с невесткой.

Дядька раз в седмицу в гости захаживал, справлялся, мол, сладко ли сестричне его живет, всего ли в достатке, не обижают ли ее родня. Избу хвалил да невестку. Мол, вон как светло в доме стало да тепло, да уютно, когда Лучка по хозяйству хлопотать принялась. И скалился, что и Отрада могла бы хозяйкой в избе в своем праве стать – коли б пошла за его сына молодшего. А когда она хмыкала, то Избор ее бил.

Но чем пуще расходился вуй, чем сильнее на нее замахивался, тем крепче она помнила единственный материнский наказ. Потому всякий раз отказом отвечала, хоть и чуяла, что еще немного, и ее силой оженят.

Четыре седмицы вытерпела упрямая Отрада.

А потом решила утопиться.

Ясной лунной ночью выскользнула она из клетки. Бесшумно прошла босыми ногами по двору и вышла за покосившийся забор. На избу она зареклась оглядываться, и потому пошла сразу прямо, к лесной опушке, а дальше по узеньким тропинкам спустилась к реке. Она ежилась от ночной прохлады: вышла-то она в одной рубахе да поневе, не стала уж одежду никакую брать.

Ночной темный лес скрипел и крихтел, словно живое существо, и Отрада отчаянно, до дрожи боялась. Сжимала свою лунницу и упрямо пробиралась вперед. Ветки, будто нарочно, трепали ее волосы, задевали косу. Стегали по лицу да цеплялись за поневу, и ей приходилось останавливаться, бережно отводить их в сторону и лишь после продолжать свой путь.

Ей казалось, что кто-то преследовал ее, шагал за ней след в след. Порой она даже ощущала на шее чье-то холодное дыхание. Отрада оборачивалась, но никого позади себя не видела.

Потому к реке она спустилась уже изрядно измученная и запыхавшаяся, с растрепанной косой и дрожащими не то от страха, не то от холода губами. Круглобокая, полная луна заливала берег своим холодным, серебристым светом. С тихим плеском бились друг о друга волны, гонимые течением.

И ее так унесет куда-нибудь вперед, подальше отсюда.

Отрада зажмурилась и, подобрав подол поневы, сделала шаг вперед. Поросль молодой травы щекотала босые ноги. Она знала, что обрыв был уже недалеко. Река в этом месте сразу была глубокой, она шагнет и уйдет под воду с головой. Даже почувствовать ничего не успеет...

Шумно втянув носом воздух, Отрада стиснула в кулаках подол поневы и приготовилась окунуться в ледяную воду, когда со стороны леса раздался знакомый голос.

— Ты что творишь, девка?!

Она вздрогнула и покачнулась, едва не оступившись, и невольно шагнула назад, отходя подальше от обрыва. Бросив на тропинке кузовок с травами, к ней спешила знахарка. Всклипнув, Отрада обхватила себя за плечи и отвернулась. Еще раз поглядела на реку и тоскливо вздохнула.

— Ты что это удумала?! – запыхавшаяся знахарка подбежала к ней и цепко схватила за локти, придвинув к себе. – Что натворить собиралась?

— Ничего, — Отрада цыкнула от досады и спрятала лицо. Ей было стыдно. — Гуляла я.

— Ты эти басни детям малым сказывай, а не мне, — Верея окинула ее взглядом не менее цепким, чем хватка худых пальцев. — И как додумалась только! Жизни себя лишить! Совсем ты, девка, ум растеряла!

Знахарка все бушевала, не успокаиваясь, но Отрада слушала ее вполуха. Она так устала. Остатки сил и решимости потратила на то, чтобы добраться до берега, и уже не могла ни о чем переживать. Наверное, коли б сам суровый Перун нынче ей явился, она бы и бровью не повела — до того была измотана душа, истерзанная переживаниями и тревогами.

— Чего молчишь? — Верея приподняла пальцами ее подбородок и заставила поглядеть себе в глаза.

Видно, увиденное ей не понравилось, потому как знахарка цокнула несколько раз языком и покачала головой.

— С чего топиться вздумала?

Отрада тоскливо вздохнула. Она переступила с ноги на ногу, чувствуя, как земля холодит босые ноги. От стылого ночного воздуха по ее рукам и шее рассыпались муравьи.

— Вуй Избор меня со свету сживет, коли за его сынка не пойду. А я не пойду! — она вскинулась, и растрепанная толстая косища упала ей на плечо.

Отрада тотчас за нее ухватилась, принялась теребить кончик, а внимательный взгляд знахарки уцепился за бечевку, которой была перевязана коса.

— А к старосте ходила?

Отрада кивнула без улыбки.

— Ходила. В ноги ему упала... — прошептала она бледными, бескровными губами и обняла себя за плечи. — А он велел вую во всем подчиняться.

— Немудрено, — с какой-то желчной злостью ухмыльнулась знахарка. — Вот что, — Верея ласково посмотрела на нахохлившуюся, встрепанную девку. — Идем ко мне. Утро вечера мудренее. Утопиться ты всегда успеешь.

— Смеешься надо мной, госпожа, — Отрада поглядела на протянутую руку. — Все едино, утром али вечером... я отрезанный ломоть, тут уж вуй Избор прав.

— Ой, девонька, нашла, кого слушать, — Верея подмигнула ей с лихостью, которую не сразу в знахарке заподозришь, а потом шагнула вперед и крепко стиснула за правое запястье.

Устав противиться, Отрада послушно побрела следом за знахаркой. Уж в одном та была права: утопиться она всегда успеет!

До опушки леса, на краю которой жила Верея, она дошла, словно во сне. В избе даже не огляделась толком и прошла на лавку, на которую указала знахарка. Глаза налились тяжестью, и, едва голова коснулась подушки, Отрада тотчас заснула. Верея укрыла ее своим теплым плащом уже спящую и долго стояла подле лавки, наблюдала за ее тревожным, беспокойным сном. Отведя в сторону выбившиеся из косы пряди, поглядела на синяк на скуле и покачала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.